

МОНОГРАФИЯ

Январь 1995

ФЕЛИКС ТЕР-МАТИРОСОВ

Кандидат исторических наук

*Армянский Центр Стратегических и
Национальных Исследований*

Мнения авторов публикаций не всегда совпадают
с позицией АЦСНИ

В богатом и прекрасном культурном наследии древней Армении особое место занимает храм эпохи классической античности в крепости Гарни.

Крепость Гарни расположена в 28 км. к востоку от г. Еревана, в юго-западной части одноименного селения. Археологические раскопки крепости показали, что жизнь здесь протекала, начавшись с эпохи энеолита и ранней бронзы до позднего сред-

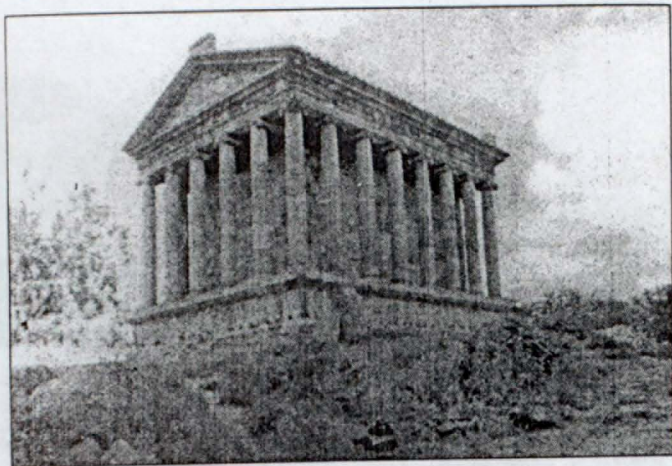

невековья¹. Название крепости и поселения зафиксированы в урартской надписи VII в. до н.э., где говорится о захвате укрепленного поселения "Гарниани"². Крепость Гарни в форме "Горнеа" упоминается Тацитом как местонахождение царя Армении в связи с событиями 51 г. н.э.³ Первым письменным сообщением о Гарнийском храме следует считать упоминание армянским историком V в. Мовсесом Хоренаци о деяниях царя Трдата III, о строительстве в Гарни "дома прохлады для царевны Хосровидухт"⁴. Из данного сообщения видно, что храм избежал участи других дохристианских культовых сооружений, разрушенных при принятии христианства в Армении⁵. В XVI в. армянский поэт Симеон Апаранци, описывая неразрушенный храм, именовал его "летним дворцом, домом прохлады"⁶. Храм сохраняется еще в начале XVII в., о чем упоминается историком Григором Дараналеци⁷. В 1679 г. храм был разрушен землетрясением⁸.

XX век стал периодом архитектурного возрождения гарнийского храма. Первые попытки его раскопок были предприняты архимандритом Хачиком Дадыаном в 1907-1908 гг.⁹ В 1909-1911 гг. раскопки храма проводились экспедицией Н.Я.Марра при непосредственном участии Я.И.Смирнова и архитектора К.К.Романова¹⁰. В 1933 г. были осуществлены попытки по расчистке и восстановлению храма архитектором Н.Г.Буниятяном¹¹. С 1949 г. в крепости Гарни начались систематические раскопки экспедицией института археологии Академии наук Армении под руководством Б.Н.Аракеляна. Эти раскопки дали возможность осуществить научное исследование построек эпохи классической античности¹² и послужили импульсом к восстановлению здания храма, которое осуществилось под руководством архитектора А.А.Саиняна в первой половине 70-х г.¹³

Храм был построен на скальном основании, выровненном щебнем и бетонной массой. Здание воздвигнуто на высоком цоколе-пьедестале, который

состоит из двух нижних цокольных плит и тела пьедестала, поставленного на цокольные профили, высеченные из особого ряда камней, а наверху увенчанного карнизом из выступающих друг над другом профилей. Верхняя часть здания представляет собой периптер ионического ордера. Таким образом, храм представляет собой периптер ионического ордера, поставленный на высокий подиум римского типа. Храм имеет по 6 колонн в главном и торцовом фасадах и по 8 колонн по его

боковым сторонам. Главным фасадом храм ориентирован на север. С этой стороны в храм ведет широкая лестница, заключенная между двумя боковыми выступами, представляющими собой продолжение подиума и, как предполагал Н.Г.Бунятян, служившими площадками для жертвенников¹⁴. Торцы выступов подиума украшены рельефными изображениями атлантов, опустившихся на одно колено и поддерживающих обеими руками карниз подиума. Головы атлантов повернуты в стороны от центральной лестницы, соответственно на восток и на запад. Лестница состоит из 9-ти ступеней. Две нижние ступени совпадают с двумя цокольными плитами. Шесть ступеней примыкают к боковым выступам. Верхняя ступень находится на уровне пола портика, огибающего все здание с 4-х сторон и служит одновременно плинтосом над венчающим подиум карнизом. Плинтос является основанием под базами колонн. При строительстве храма применено два типа техники. Ядро подиума сооружено из камня и бетона. Бетон применен и при перекрытии целлы. Облицовка подиума храма, целла храма, колонны, архитравы, перекрытия портиков сооружены с использованием техники сухой кладки и крепления каменных блоков железными скобами-пиронами и штырями, вставленными в соответствующие углубления в камнях и залитые свинцом. Базы колонн имеют форму, близкую к аттической. Ствол колонн гладкий, без канелюр, состоит из нескольких барабанов (в среднем по 4). Высота колонн — 6,5 м. Диаметры колонн: нижний — 0,69 м., на 1/3 их высоты — 0,70 м., верхний — 0,61 м. Расположение колонн — евстиль¹⁵. Капители ионического стиля. Волюты и ионики капители сделаны очень глубокой, четкой резьбой, причем лист аканфа, отходящий от волюты на ионики, имел ажур-

ные части. Боковые части капители были убраны листовидным орнаментом. Он состоит из листьев, напоминающих лавровые или из мелкого, иногда очень измельченного аканфа или сочетания обоих типов листьев. Очерк волют имеет свободную и изящную кривизну. Абак имеет изогнутые стороны, срезанные углы. Капители угловых колонн, как это обычно было в ионических периптерах, отличаются от промежуточных. Здесь капители имеют диагональное расположение волют по трем наружным углам. Две смежные волюты вытягиваются по направлению диагонали капители, а широкое поле слияния волют богато орнаментировано завитками и листьями. Четвертый угол получается с вырезом при пересечении двух волют.

Стены целлы сложены из больших базальтовых блоков. В переднем портике стены выступали в виде антов, концы которых обработаны в виде пилястр. В форме пилястр обработаны и южные углы стен. Пилястры завершались плоскими капителями с диагональными волютами. Вдоль наружных стен целлы, наверху, на уровне капителей, шла тяга из плит с иониками и бусами, повторяющими профили абак и эхина капителей. Стены внизу повторяли профилировку базы колонн.

Архитравы здания по наружному профилю имеют более сложное и богатое убранство, чем по внутреннему профилю. Внутренний профиль архитрава венчал и стены здания внутри портика. Нижнее панно (софит) убрано растительным орнаментом в виде ветвей с листьями бобовых, плюща.

Фриз здания был особенно богато украшен. Фон фриза имел изогнутый профиль в виде буквы S¹⁶. Орнамент шел по фризу в виде непрерывной ленты мягкого аканфа с богато развитыми волютами. В середине волют ветка заканчивается или пальметкой, или цветком. В одном случае ветка заканчивается плодом граната¹⁷. Над полем аканфа находится тяга из иоников. На лицевой стороне пояс иоников разработан детально, со стрелкой между иониками. На южной, задней стороне здания, ионики выработаны менее детально, а стрелка между ними заменена ромбом¹⁸. Весь фриз очень высокого рельефа, тонкой лепки и с явным округлением каждой выступающей части, проработанной сверлом столь тонко, что лист тыльной стороной отделен от основной массы камня и имеет ажурную форму.

Карниз храма имеет слезник, состоящий из зубцов, каблучка с растительным орнаментом и гуська с пальметками и львиными головками, имевшими чисто декоративное значение. Пальметки, в отличие от фриза, изображены значительно уплощенными. Угловое решение зубцов сделано на греческий манер — на углу размещены два взаимоперпендикулярных зубца. Образованный угол заполнен, однако, не шишкой пинии, как предполагал Н.Г.Бунятян¹⁹, а плодом граната²⁰.

Дверь здания в северной части целлы была нарядно убрана резным наличником и сложным сандриком в виде антаблемента, в котором архитравом служила верхняя горизонтальная часть наличника.

Порядок, форма и убранство профилей сандрика почти те же, что и на антаблемента портика, но здесь они соответственно меньше по размерам. Верхний гусек убран пальметками. Львиных головок нет. На их место поставлены перевернутые пальметки²¹. Карниз двери поддерживали два боковых кронштейна. Косяки были составлены каждый из двух камней. Следов крепления двери к косяку нет. По мнению К.К.Романова, косяк служил лишь отделкой дверной притолоки, собственно, косяк был приставлен вплотную к нему и был сделан из бронзы²².

Портик был перекрыт большими плитами. Поле потолка было окружено лентой растительного орнамента. Против каждой колонны поле это имело орнаментальную поперечину, убранную соответственно софиту архитрава. Промежутки между ними были обработаны в подражание кесону и представляли собой два ромба, вписанных в прямоугольник. На коротких сторонах здания плиты портика были обработаны в виде ромбов и восьмиугольных кесонов, украшенных иониками и растительным убранством в виде листьев аканфа. До недавнего времени перекрытие целлы храма представлялось исследователям в виде архитравного. Однако, как это было установлено А.А.Саиняном, перекрытие целлы было сводчатым²³. Свод имеет клинообразное строение. Для большей прочности свод был закреплен бетоном. Кровля храма была изготовлена из базальтовых соленов толщиной в 3-4 см., перекрытых калиптерами. Плиты перекрытия укладывались на известковый раствор²⁴. Завершали храм акротерии и полуакротерии в виде пучков листьев аканфа²⁵.

В 1911 г. на собрании общества архитекторов участник раскопок в Гарни Я.И.Смирнов высказал мысль: "...чтобы появились постройки в античном стиле, нужна была высокая степень романизации, а ее в Армении не было. Поэтому является мысль, что это единственный храм особого порядка и возник по мановению какого-нибудь армянского царька, который для выражения своих верноподданнических чувств воздвиг храм *in honorem imperatoris*, разумеется, не по местному, а по римскому типу. Мастера, конечно, были выписаны из Римской империи, а строили по общепринятым образцам того времени"²⁶.

В 1949 г. К.В.Тревер высказала предположение, что храм построен во время завоевания Армении императором Траяном и был посвящен его культуре²⁷. Впоследствии, в специальном рассмотрении вопроса назначения храма, К.В.Тревер пересмотрела свое предположение и пришла к выводу, что "...гарнийский храм был построен Трдатом I в 70 г. I в. н.э. и был посвящен культу бога Солнца, в народе, возможно, носившего еще имя Арег, а в царском обиходе Аршакидов называвшегося Михр, то есть Митра"²⁸.

Это определение остается господствующим в настоящее время, хотя, как отмечала К.В.Тревер, в вопросе назначения храма имеется ряд неясностей²⁹.

В 1984 г. на конференции по проблемам архитектуры Армении я выступил с докладом о характере культа гарнийского храма, где развивал выдвинутую мной ранее точку зрения, что храм при постройке был посвящен культу предков царя Армении³⁰. Более полная аргументация этого тезиса приводится ниже.

При рассмотрении вопроса датировки храма предполагались датировки от III в. до н.э. по IV в.н.э.³¹ Наиболее распространены две группы датировок — II-III вв.н.э.³² и I в.н.э., а точнее, 77 г. н.э.³³ Датировка 77 г. в последнее время является преобладающей. Существовавшие ранее разногласия вытекали из рассмотрения архитектурных особенностей храма, имевшего как ряд архаизмов в строительной технике (сухая кладка), так и ряд особенностей (сочетание ионического ордера с высоким подиумом), что позволяло перемещать датировку храма на значительном хронологическом диапазоне. Существующее теперь единство мнений в определении датировки опирается, прежде всего, на исторические построения, исходящие из дешифровки греческой надписи на камне крепостной стены Гарни, датированной 77 г. В надписи сообщается о проведении в Гарни строительных работ при царе Трдате³⁴. При этом, данные греческой надписи сопоставляются со сведениями Мовсеса Хоренаци, сообщавшего о сооружении царем Трдатом III в Гарни "дома прохлады для сестры своей Хосровидухт"³⁵. Упомянутый "дом прохлады" в переводах текста М.Хоренаци трактуется как "летний дворец"³⁶, вилла³⁷ и сопоставляется с античным храмом³⁸. Это сопоставление началось уже в средние века, что, как отметила К.В.Тревер, прослеживается по стиху Симеона Апаранци, который, описывая в XII в. храм, именовал его дворцом, сооруженным "Трдатом-первенцем в вере", т.е. царем Трдатом III, при котором было принято христианство в Армении³⁹. Исходя из этого, исследователи гарнийского храма предполагают ошибочность приписания Мовсесом Хоренаци постройки царя Трдата I, в 77 г., царю Трдату III. Существуют также предположения, что описание дворца, данное М.Хоренаци, ошибочно перенесено на античный храм с несохранившегося дворцового сооружения⁴⁰. И хотя А.А.Саинян в своем исследовании о гарнийском храме постарался сузить до века хронологию архитектурных аналогий гарнийскому храму, все же при окончательном определении даты сооружения храма 77 г. он, как и другие исследователи, также опирался на исторические версии, связанные с сопоставлением данных греческой надписи и сведений М.Хоренаци⁴¹.

Однако существуют серьезные основания для сомнения в правомерности датировки 77 г. гарнийской надписи на греческом языке с датировкой постройки храма. В надписи речь идет о литургии, строительной деятельности в Гарни в дар царю Трдату I⁴². В надписи отсутствует упоминание храма и надпись нанесена на камне крепостной стены, поэтому следует считать, что речь идет о постройке именно крепостной стены, сооруженной вельможей Армении в дар царю. Поскольку в древнем мире, как правило, дарственная или посвященная надпись наносилась на приносимый в дар предмет

или объект постройки, поэтому еще раз отмечу, что начертание литургической надписи на крепостной стене свидетельствует о том, что упоминаемой в надписи постройкой, датируемой 77 г., являлась именно и только крепостная стена. Более того, вызывает сомнение, что построение храма, наиболее важного объекта из комплекса сооружений крепости, могло производиться не от имени царя и его семьи, а от имени каких-либо других лиц. Таким образом, единственным звеном, связывающим время постройки крепостной стены и храма является единая техника возведения сооружений методом сухой кладки с использованием железных пиранов и штырей и заливки их свинцом. Однако следует напомнить, что применение на Востоке данной техники, упомянутое еще Геродотом⁴³, сохраняется в Армении еще в VII в. при постройке храма Звартноц⁴⁴. Кроме того, высказывая сомнения в верности сообщений Мовсеса Хоренаци, следует обосновать их причину. Представляется более правильным судить о назначении храма и времени его построения, прежде всего, исходя из данных архитектуры самого храма.

Как отмечалось выше, храм Гарни имеет планировочные пропорции, отличающиеся от привычных пропорций храмов Греции и Рима, где на боковых фасадах размещалось вдвое больше (плюс и минус одна) колонн, чем на основном и торцовом фасадах. Это правило строго соблюдалось при сооружении храмов, посвященных богам верхнего пантеона и нашло отражение в труде Витрувия⁴⁵. Вероятно поэтому построение гарнийского храма в стиле "евстиль" с соотношением сторон 5:8 и размещением колонн по 6 на главном — северном и торцовом южном фасадах и по 8 на боковых фасадах не нашло должного объяснения. Так, если К.В.Тревер предполагает здесь наличие местных особенностей⁴⁶, то А.А.Саинян просто отмечает частое употребление стиля "евстиль" в архитектуре античного мира⁴⁷. Между тем, рассмотрение характера посвящения аналогичных построек древнего мира позволяет определить и характер посвящения храма в Гарни. Планировочные пропорции, близкие к пропорциям гарнийского храма или приближающиеся к квадрату, имеют памятники, связанные с хтоническими культурами, усыпальницами и храмами, посвященными обожествленным, но смертным лицам. Таков Галикарнасский мавзолей с пропорциями 7:11⁴⁸, служивший не только усыпальницей, но и храмом обожествленных династов. Приблизительно такая же планировочная пропорция сторон у усыпальницы в Ксанфе, широко известной как памятник Нереид, имеющей по 4 и 6 колонн на фасадах⁴⁹. Как предполагается, такое же соотношение колонн (4:6) имела погребальная колесница Александра Македонского, выполненная в форме античного храма. Следует упомянуть, что обожествление Александра Македонского началось еще при его жизни⁵⁰. Квадратные пропорции основания имела львиная гробница в Книде⁵¹. Соотношение колонн (8:8) имела гробница в Белави⁵². Квадратную пропорцию имела гробница Ферона в Акраганте⁵³. В Передней Азии широко известна гробница Кира, имеющая соотношение сто-

рон 2,18:3,16⁵⁴. Пропорции, близкие к квадрату, имел мистериальный зал в Элевсине⁵⁵. В самом Риме храмы обожествленных императоров, по характеру посвящения аналогичные храмам обожествленных предков, имеют также пропорциональные соотношения сторон, близкие к пропорциям гарнийского храма. Таковые: храм Божественного Юлия, имеющего квадратную целлу с портиком перед ней, храм Тиберия и Ливии в Авьене с 6 и 8 рядами колонн на фасадах, храм Северов в Лептнис Магна, имеющий по 9 колонн на фасадах⁵⁶. Отмечу, что и парфянский храм божественных предков в Старой Нисе, отличающийся по внешнему облику от античных храмов, также имеет планировочные пропорции, близкие к квадрату⁵⁷. Особый интерес представляет тот факт, что в святилище Немруд-Дага, посвященном культу обожествленных царей Комагены, связанных родственными и культурными узлами с царями Армении династии Оронтидов, обнаружено архитектурное сооружение в виде углубленного в землю небольшого, квадратных пропорций, храма-святилища с алтарем⁵⁸. По-видимому, сближение планировочных пропорций мистериальных храмов, усыпальниц и храмов обожествленных императоров и царских предков произошло вследствие общей связи с культурами потустороннего, хтонического мира. Одним их наиболее древних хтонических памятников древнего мира, связанных с загробными, хтоническими культурами обожествленных фараонов, являлись пирамиды Древнего Египта с квадратными пропорциями оснований.

Вышесказанное позволяет предположить, что храм в Гарни имел пропорции стиля "евстиль" в связи с хтоническими культурами и культурами обожествленных царствующих особ. Рассмотрение других особенностей гарнийского храма позволяет уточнить характер отправления здесь культа.

При изучении гарнийского храма не обращалось должного внимания на ориентацию главного фасада и дверного проема целлы храма на север. Лишь Н.Н.Токарский, полемизируя с Т.Тораманяном и А.А.Саиняном по вопросу ориентации раннехристианских церквей Армении, обратил внимание на ориентацию гарнийского храма на север, считая, что она имела неслучайный характер. Однако объяснения этому факту им не дано⁵⁹. Ответ на данный вопрос следует искать в древних верованиях.

В героическом эпосе древней Месопотамии герой Гильгамеш в поисках бессмертия идет к горам:

...Чье имя Машу

.....
 Что восход и закат стерегут ежедневно,
 Наверху небосвода достигают,
 Внизу - преисподней их грудь достигает,
 Люди - скорпионы стерегут их ворота.

.....
 При восходе солнца открывают ворота,
 При заходе солнца закрывают ворота,
 Выводят оттуда только Шамаша боги⁶⁰.

Для нас особый интерес представляет здесь топоним "горы Машу", сопоставимый с горами Ма-

сик (Кашшиари-Мардин) на севере Месопотамии, за которыми на севере начинается Армянское нагорье. Недаром описание пути Шамаша, как отметил И.М.Дьяконов, процитировано в поэтическом описании похода Саргона в 714 г. на Урарту⁶¹. То есть, в представлениях жителей Месопотамии, дом бога Солнца, куда он уходил после заката, находился на севере. Следует уточнить, что в мифологических представлениях древних шумеров, ассирийцев и вавилонян, бог Солнца Шамаш-Уту был также праведным судьей в подземном мире⁶². Поэтому также не случайно, что в их представлениях путь в подземное царство лежал через реку Хабур⁶³.

В индо-иранских мифологических представлениях связь севера с гибельным, плохим прослежена исследователями по гимнам Ригведы⁶⁴. Известно, что бог Митра, первоначально выступавший в индо-иранской мифологии как божество социального порядка, позднее приобретает солярный характер. При этом, Митра почитается не только как солярный бог, но и как праведный судья в подземном мире⁶⁵. Можно предположить, что изменение характера культа Митры на Ближнем Востоке произошло не без влияния культа Шамаша-Уту. Местом пребывания солярного бога Митры под землей также представляется север. Это отразилось и на более поздних верованиях манихейцев, которые, по словам Августина, "в течение всего дня молятся солнцу, обратившись лицом туда, где оно находится. Ежедневно молятся и луне, если она появляется; если же нет — лицом к северу, где солнце после захода опять возвращается на восток"⁶⁶.

Сакральное значение северной стороны прослежено в древней и в античной культурах. На север ориентированы дверными проемами египетские пирамиды. Так же, на север ориентирован храм в святилище смертного, но обожествленного Асклепия на о.Кос⁶⁷. Север сакрализован и у Этрусков⁶⁸. На север ориентированы дверными проемами и скальные гробницы Петры⁶⁹.

Сакральное значение северной стороны прослеживается на территории Армянского нагорья по археологическому материалу и, прежде всего, при исследовании могильников эпохи поздней бронзы и раннего железа⁷⁰. Ориентацию дверного проема на север имела урартская гробница, открытая в г.Ереване в 1984 г.⁷¹ Следует отметить, что в отличие от христианских церквей, в архитектуре которых сакральной воспринимается, прежде всего, восточная сторона, в древности, при равной сакрализации всех сторон света, каждая из них имела определенную значимость. Так, античные храмы, посвященные верховным, т.е. здравствующим богам, а в период Римской империи и царствующим императорам, имели, в зависимости от характера посвящения, восточную, южную или западную ориентацию основного фасада. При посвящении храма одновременно нескольким божественным персоналиям или при подчеркивании различных функций божества, храм мог иметь несколько фасадов и мог быть сооружен на нескольких уровнях. Классическим примером тому может служить зна-

менитый храм Эрехтеон на афинском акрополе. Для нашей темы интересен пример планировки храма бога Аполлона в Басах, воздвигнутый в Фигалии по случаю окончания эпидемии чумы. Храм был обращен основным фасадом на восток, в то же время, он имел широкий вход с северной стороны, а статуя бога была установлена так, что лицо Аполлона было видно в фас с восточной стороны и в профиль — с северного входа⁷². В данном случае ясно подчеркнута функция бога Аполлона как спасителя от чумы, и в то же время указано, что именно Аполлон, как предводитель мышей, является грозным богом, наславшим эпидемию.

Представляется несомненным, что на ранних этапах становления христианства, традиции античной культуры ориентации культовых зданий еще сохраняли свое влияние. Интересна в этом отношении ориентация север-юг для раннехристианских захоронений Карабаха⁷³. В то же время следует подчеркнуть, что и ставшая традиционной для христианской эпохи ориентация могил восток-запад также зародилась в античную эпоху в I-III вв. н.э. При этом, первоначально погребенные укладывались на бок, в слегка скрюченной позе и сопровождалась погребальным инвентарем. Позднее (во II-III вв. д.н.э.) некоторые погребенные стали укладываться на спину, а количество погребального инвентаря стало уменьшаться. Не исключено, что северная ориентация дверного проема крипты в храме св. Рипсима повторяет ориентацию существовавшей здесь первоначально в IV-V вв. н.э. усыпальницы святой, сооруженной по античным традициям в самом начале официального принятия христианства⁷⁴. Следует отметить, что такая традиция связывать север с загробным культом прослеживается и в ряде раннесредневековых усыпальниц Армении, таких, как Агавнатун у с.Арагац и других, в которых проем также ориентирован на север. В храме Ереурика северный притвор отделен от центральной залы глухой стеной.

Таким образом, северная ориентация дверного проема целлы гарнийского храма указывает на связь храма с культом потустороннего мира.

На это же указывают элементы скульптурного декора храма, изучение которых не получило пока должного внимания.

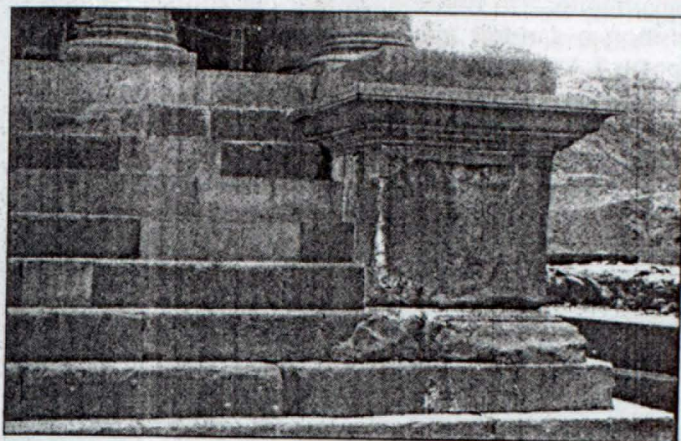
Гарнийский храм имеет, как уже указывалось выше, фриз, украшенный растительным орнаментом в виде стилизованных листьев аканфа и плодов граната. Объясняя размещение на фризе храма плодов граната, К.В.Тревер выдвинула предположение, что оно вызвано изготовлением фриза местными мастерами, использовавшими местные, хорошо знакомые им мотивы и не стеснявшимися нарушать античные каноны⁷⁵. Однако вряд ли следует объяснять изображение граната лишь прихотью местных мастеров. Нельзя также предполагать, что армянские мастера не знали изображения шишки ели или сосны, произраставших в Армении. Представляется, что размещение в орнаменте храма изображений плодов граната вместо шишек объясняется различием в семантическом восприя-

тии этих растительных элементов в культуре античного мира. Так, шишки ели, сосны считались символами начала жизни, восстановления здоровья⁷⁶. Плоды граната в древности связывались с образом смерти, забвения, как это видно по мифу о Персефоне, проглотившей гранатовое зернышко и поэтому оставшейся в подземном царстве⁷⁷. Позднее, с принятием христианства, в армянской культуре произошло изменение значения символа граната. Так как христианство не признавало расторжения брака, на свадьбах новобрачным подавался гранат. Это должно было символизировать их совместную жизнь до смерти. Возможно, эта традиция шла с античного времени, так как гранат являлся также плодом, связанным с культом богини Геры, покровительницы семьи. Со временем гранат становится обязательным плодом на свадебном столе, а затем, с забвением античной символики, воспринимается как пожелание молодым иметь столько же потомства, сколько зерен у граната. Изображение граната рядом с виноградом в орнаменте театра Сагаласа, приведенное К.В.Тревер в качестве аналогии, также не является случайным. Так, в Афинах праздник бога Диониса, с которым связывается как культ виноделия, так и основание театра, сопровождался драматическими представлениями, на которых поминки соединялись с открыванием бочек и пробой нового вина по случаю пробуждения весны⁷⁸.

Связь храма с культурами потустороннего мира подчеркивается и тем, что на софитах и архитравах гарнийского храма широко представлены растительные орнаменты, в том числе изображения листьев граната и бобовых культур⁷⁹. О символике граната уже упоминалось выше. О связи бобовых культур с подземным миром свидетельствуют находки бобовых зерен для приготовления ритуальной пищи в храме Аида и Персефоны в Эпире⁸⁰.

В этой связи интересно рассмотрение колелопреклоненной позы, в которой изображены атланты на пилонах гарнийского храма. В свое время К.В.Тревер отмечала, что, хотя значение колелопреклоненного атланта не ясно, вырисовывается его связь с культом Митры⁸¹. В искусстве древних цивилизаций поза фигуры была одним из важных и стабильных выражений характера божества. При рассмотрении изображенных колелопреклоненных божеств, гениев в искусстве Древнего Востока, Греции, Этрурии, имеющих достоверную атрибуцию, выявляется стабильная связь колелопреклоненной позы с медиаторной сущностью изображенных, а также с загробными культурами⁸². Так, в древнем Египте колелопреклоненная поза характерна для изображения бога воздуха — Шу, разделяющего и связывающего Небо и Землю⁸³. Вместе с тем, бог Шу играл важную роль в загробных культах⁸⁴. В искусстве Месопотамии колелопреклоненная поза характерна для полубожественных, но смертных героев или в изображении гениев⁸⁵. В западных регионах Передней Азии интересно колелопреклоненное изображение демона смерти Ламашту. Отмечу общность композиции иконогра-

фии Ламашту и Медузы Горгоны, сопровождаемых конями, львами, змеями, что хорошо видно при сопоставлении изображения Ламашту на плакетке из Сирии⁸⁶ и Медузы Горгоны на фронтоне с острова Керкира⁸⁷. Как представляется, это является

свидетельством древних культурных контактов. Медиаторная сущность колелопреклоненной позы отчетливо видна на позднехеттском рельефе из Секче-Гезу, где колелопреклоненное божество держит правой рукой, наверху, льва, а левой, внизу, быка⁸⁸, чем обозначены правая, верхняя и левая, нижняя, стороны, семантика которых, как благого, прослежена в культурах древнего мира⁸⁹. В колелопреклоненной позе изображен бог Солнца на рельефе из Тель-Халафа⁹⁰. Стабильная передача изображения урартского бога Шивини-аналога месопотамского Шамаша-Уту, в колелопреклоненной позе⁹¹ позволяет предполагать, что Шивини, как и Шамаш, почитался не только как бог Солнца, но и как божество подземного мира, где он, возможно, также выступал в роли праведного судьи. Интерес представляет и тот факт, что на одной из урартских бронзовых пластин Шивини, как и Шамаш, передан в идентичной иконографической композиции: Шивини посередине, а по обе стороны от него — две колелопреклоненные фигуры⁹². Восприятие колелопреклоненной позы, как медиаторной, характерно для мировоззрения и искусства Этрурии и древней Греции. Так, на фресках и рельефах гробниц Этрурии встречаются изображения крылатых гениев в колелопреклоненной позе⁹³. В искусстве архаического периода Греции в такой позе, помимо Медузы Горгоны, стабильно изображались обожествленные, но смертные герои: Персей, Геракл, Ахилл⁹⁴. В раннеклассическом искусстве Греции колелопреклоненная поза связывается с идеей смертоносности. Такими изображаются стрелки из лука, раненые, смерть Горгоны, Ниобиды. В дальнейшем, с развитием художественных приемов и эстетических воззрений, в искусстве Греции данная поза теряет жесткую семантическую определенность. Однако семантическая значимость этой позы сохранилась в искусстве Передней Азии в ахеменидский, эллинистический и постэллинистический периоды. В позе колелопреклоненного бега передаются изображения царя на ахеменидских монетах тех регионов, где цари традиционно рассмат-

ривались как воплощение живого божества⁹⁵. В эллинистический период в коленапреклоненной позе изображается божество умирающей и воскресающей природы Аттис⁹⁶. В этой же позе изображаются Кабиры⁹⁷ и спутники Диониса сатиры⁹⁸. Характерно, что представления, связанные со значимостью данной позы, проникли далеко, вглубь Средней Азии. В погребальных комплексах кушанского времени из северного Афганистана найдены золотые бляшки с изображениями коленапреклоненного мужчины, держащего на плечах дельфина⁹⁹. Тесная связь символики дельфина с потусторонним миром хорошо известна¹⁰⁰. Наличие древней традиции придания медиаторам коленапреклоненной позы, как представляется, отразилось и на появившейся в античное время иконографии Митры, воспринимаемого не только как божество верхнего, но и подземного мира, т.е., также занимавшего медиаторное положение. В то же время, характер культа митраизма, в котором божество выступало в виде бога-борца, исключало возможность передачи образа бога в одиночной коленапреклоненной позе. Изображение Митры в коленапреклоненной позе, убивающего быка, является дальнейшим развитием древневосточной культовой композиции — льва, убивающего быка. Поэтому, рядом с Митрой появляются изображения коленапреклоненных божеств утренней и вечерней зари. В их иконографии отразилась древневосточная традиция передачи сопровождающих солярного бога Шамаша людей-скорпионов-стражей подземного мира. Недаром и в символику Митры включены скорпионы. Общность иконографии Митры и Шамаша отражается в том, что встречаются изображения солярного божества в традиционной манере, характерной для образа бога Шамаша, но которые, по мнению исследователей, следует воспринимать как изображение бога Митры¹⁰¹. Таким образом, рассмотрение коленапреклоненной позы показывает, что она характерна при изображении божеств-медиаторов, а на территории Армянского нагорья, прежде всего, солярного божества, спутников божеств, обожествленных, но смертных героев. Так как на пилонах гарнийского храма изображены явно не божества или герои, которых обязательно сопровождала бы присущая им атрибуция, то высеченные здесь атланты, судя по характеру передачи их образа и расположению по сторонам от входа (одного — лицом на восток, другого — лицом на запад), представляли собой спутников солярного бога, каковым в период классической античности в Армении выступал Михр-Митра. То есть, в образах атлантов изображены Кауто и Каутопат (утро и вечер). Таким образом, рассмотрение коленапреклоненной позы атлантов подтверждает предположение К.В.Тревер об их связи с богом Митрой.

Однако нельзя согласиться с мнением К.В.Тревер, что гарнийский храм является митрейоном, так как целый ряд вышеперечисленных фактов указывает на связь храма с культурами потустороннего мира. Нам неизвестны храмы, посвященные Митре

Строительная деятельность Трдата III в Гарни подтверждается возведением в VII в. н.э. рядом с античным храмом круглой церкви. Церковь эта построена католикомосом Нерсесом, который, как верно заметил С.Х.Мнацаканян, сооружал свои постройки в местах, связанных со строительной деятельностью царя Трдата III и Григора Просветителя¹⁵¹.

Завершив эту перестройку, Трдат III сооружает в храме усыпальницу для своей сестры Хосровидухт. Что же представляла собой усыпальница Хосровидухт? Археологические раскопки под руководством Б.Н.Аракеляна выявили в северо-восточной части

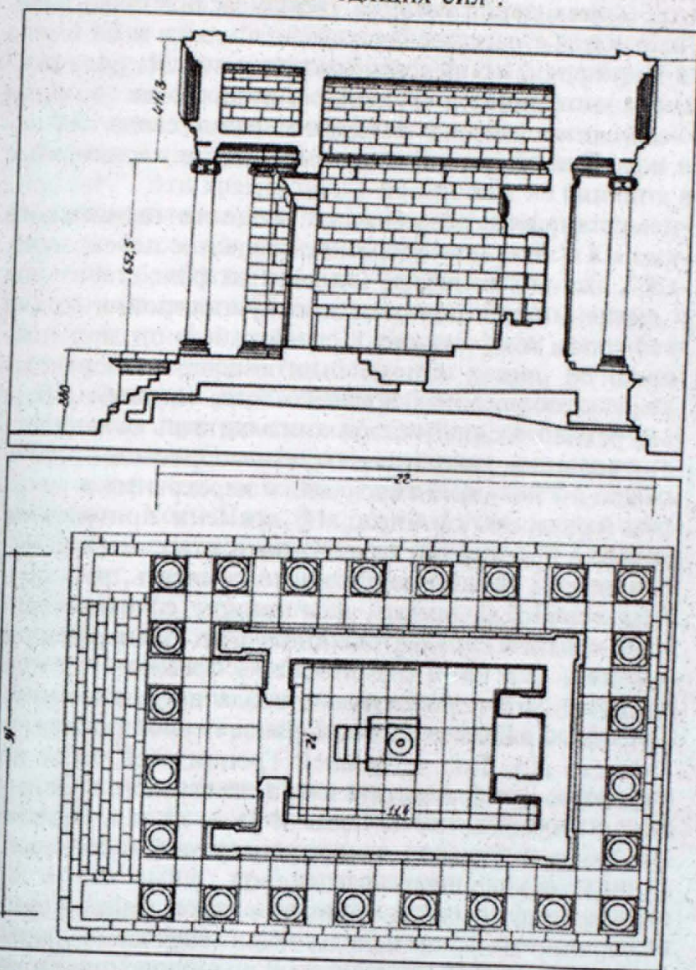
крепости фрагменты большого мраморного саркофага с богатым архитектурным декором в виде колонн, зубчатого карниза, ионик. Сохранились украшавшие саркофаг скульптуры хорошей тески, размеров, приближающихся к человеческому росту¹⁵². Это позволяет предполагать, что и сам саркофаг имел высоту около или более двух метров. Саркофаги такого типа характерны для позднеантичной и раннехристианской культуры Римской империи¹⁵³ и могли бытовать в Армении при захоронении высшей знати. Фрагменты декора мраморного саркофага полностью соответствуют описанию усыпальницы Хосровидухт¹⁵⁴. При этом, судя по сообщениям М.Хоренаци, саркофаг-усыпальница Хосровидухт изготавливался на месте. Нахождение фрагментов саркофага в помещениях северо-восточной части крепости в ситуации, которая указывает на попытку защитить саркофаг, убийство защитников и намеренное уничтожение саркофага¹⁵⁵ позволяют предположить, что при нашествии на Армению войск иранского царя Шапуха в середине IV в., когда были осквернены могилы армянских

царей, священнослужители попытались спасти мощи "святой Хосровидухт" от поругания, но были убиты, а саркофаг — разбит. По-видимому, впоследствии, после победы армян над персами, останки Хосровидухт вместе с останками других царей Армении были перезахоронены в специально сооруженной для этих целей гробнице Ахца.

Таким образом, можно утверждать, что сведения М.Хоренаци о завершении постройки в крепости Гарни, вернее, перестройки античного храма-героона в христианский мавзолей-усыпальницу царевны Хосровидухт и начертании надписи эллиническими буквами, получили документальное подтверждение материалами археологических раскопок экспедиций Н.Я.Марра и Б.Н.Аракеляна. При этом уточняется, что, судя по словам Я.И.Смирнова, надпись была начертана на камне храма-мавзолея. Следует подчеркнуть, что камни храма отличаются от камней крепостной стены размерами, формой, степенью обработки и расположением скреп. Надпись 1911 г., вероятно, была перенесена со своего места между 1912 и 1932 гг., когда начались первые попытки восстановления храма. Поиски надписи следует вести как на территории крепости и деревни, так и в архивах Я.И.Смирнова и Общества архитекторов России, а также в архивах Российской императорской академии наук. Не исключена, однако, возможность и того, что на саркофаге также имелась надпись на греческом языке.

Изучение сведений М.Хоренаци дает интересную картину становления христианства в Армении и, прежде всего, отношения царского дома к христианству. Это не только участие сестры царя в просветительской деятельности распространения христианства, что ярко описано Агатангелосом, но и факт использования смерти царевны Хосровидухт для прославления и укрепления царской власти. Именно для этой цели античный храм-героон, посвященный культу обожествленных предков царской династии, превращается в христианский мавзолей, посвященный "святой" из царского рода. То есть, при изменении формы почитания, перехода от античных обрядов к христианским обрядам богослужения, сохранялось назначение храма — служить прославлению и укреплению царской династии. Царь Трдат придавал большое значение, использованию христианства для укрепления царской власти. Об этом свидетельствует и тот факт, что он избрал при крещении имя Ованес — Иоанн и соорудил в Багаране храм, посвященный своему христианскому патрону¹⁵⁶. Как представляется, этими действиями царь Трдат как бы сопоставлял себя и свою деятельность в распространении христианства со значением и местом Иоанна Крестителя в христианском учении. Хотел бы обратить внимание на не получивший должной оценки, при исследовании труда М.Хоренаци, факт прославления Трдата III как до уверования, так и после принятия христианства. В то же время, в "Истории Армении" М.Хоренаци отсутствует описание момента принятия христианства, которое, судя по перечислению событий, должно было занять одну или две главы и размещаться между главами 82 и 83 второй книги М.Хо-

ятие "сил потустороннего загробного мира" (с которым, как нам представляется, связана данная крипта) как активных "бдящих сил".

Реконструкция плана и плана продольного разреза храма в Гарни сделана на основе обмеров и чертежей А.А.Саиняна, данных в книге "Античные сооружения в Гарни"

Таким образом, рассмотрение архитектуры гарнийского храма позволяет с большой степенью достоверности утверждать, что он представлял собой храм-героон, посвященный культу предков царской династии, основателем которой выступал сам бог Митра. Вероятно, что храм почитался и как место хранения Фарна царской династии, а бог Митра выступал его хранителем, передающим Фарн царствующей особе. "Перед Митрой летит пылающий огонь, могущественный Фарн Кави" (Яшт. X, 127).

Уточнение вопроса характера посвящения гарнийского храма обожествленным предкам династии еще более обостряет необходимость уточнения вопроса датировки постройки храма, был ли он построен основателем династии Аршакидов в Армении — царем Трдатом I или же его преемниками.

При разрешении вопроса датировки построения храма представляется также необходимым исходить, прежде всего, из рассмотрения архитектурных особенностей храма. И лишь после уточнения датировки обращаться к рассмотрению исторической ситуации. Как представляется, в качестве да-

тирующих факторов должны рассматриваться не такие архаизмы, как характер кладки, а те элементы, которые могут являться *antiquum post quem*, то есть, появление которых твердо засвидетельствовано в культуре классической античности и не имело места ранее определенного времени. Из ряда особенностей гарнийского храма наиболее важным для датировки являются применение свода для перекрытия целлы храма и некоторые характерные отличия.

Установив, что пронаос и целла гарнийского храма имеют клинообразное сводчатое перекрытие, А.А.Саинян понимал, что данный факт ставит под сомнение принятую датировку постройки храма 77 годом н.э., поэтому в своей работе он дает подробную сводку применения сводчатых перекрытий в сооружениях древнего мира и, особенно, в Передней Азии. Нисколько не пытаясь оспаривать ее верность, отмечу лишь, что вопрос стоит не о времени появления сводчатого перекрытия в архитектуре древнего мира, а о времени применения свода в перекрытии храмов эпохи классической античности. И здесь необходимо отметить, что первым точно известным нам храмом со сводчатым перекрытием является постройка императором Адрианом в Риме храма Венеры и Рома. Из этого следует, что использование свода в храмовых постройках нельзя датировать ранее первой половины II века н.э. Так, в Древней Греции свод, судя по сводчатому перекрытию входа на стадион в Олимпии, был известен не позднее IV в. до н.э. Однако в Древней Греции мы не знаем храмов, в сооружении которых использовался свод.

Древние римляне, начиная с эпохи ранней республики, широко использовали сводчатые перекрытия при постройке мостов, водопроводов и входов в городских стенах. Но ни в храмах республиканского форума Рима, ни в храмах императорских форумов I в. н.э. мы не знаем случаев употребления сводчатого перекрытия. Примером тому являются постройки форума императора Траяна. Здесь, при возведении торговых рядов, широко применялось сводчатое перекрытие строений, но при сооружении храма, как конструктивная основа, использовалась ордерная система. Пока неизвестно ни одного храмового сооружения в Передней Азии со сводчатым перекрытием, которое можно было бы датировать ранее этого периода, и вряд ли можно таковым считать гарнийский храм, так как археологические раскопки Армении пока не выявляли больших архитектурных сооружений со сводчатым перекрытием. Известно, что именно при Адриане был сооружен храм Асклепия в Пергаме, где был применен также и купол, впервые сооруженный в Риме при постройке Пантеона. Поэтому более вероятно, что распространение свода шло именно из Рима. О характере влияния искусства Рима на архитектуру провинций свидетельствует также то обстоятельство, что употребление ромбов вместо стрелок среди иоников первоначально засвидетельствованное при сооружении форума Нервы в Риме (96 г. н.э.)¹¹⁹, затем встречается в постройках

II в. н.э. в Сирии (храм Дэр эль Асшайр)¹²⁰ и малом храме Баальбека. На применение в храме Гарни ромбов среди иоников наряду со стрелками указывал еще К.К.Романов. Он же подчеркивал, что этот факт свидетельствует об участии в строительстве храма двух групп мастеров¹²¹. На середину II в. н.э. указывает и сопоставление гарнийского храма с малыми храмами северной Сирии, такими как: Меджел Анджар, Эли Киесе, Нахле, Хоси Сфери и другие¹²². Эти храмы также построены из базальта в виде периптеров или псевдопериптеров, поставленных на высокий подиум. Отмечавшаяся К.К.Романовым обработка входной двери целлы как "бедность знакомства" мастеров гарнийского храма с архитектурными тягами¹²³, где профили антаблемента повторяют антаблемента храма, на самом деле является отражением общего процесса, начавшегося при римских постройках конца I — начала II в. н.э. Сходное с гарнийским храмом решение плафонов потолка, портиков имеют храмы Сирии — Хосн Ниha, Меджел Анджар, малый храм Баальбека, датируемые также II в. н.э.¹²⁴ Отмечая характер построения антаблемента и S-образный изгиб фриза гарнийского храма, В.Д.Блаватский указал на то, что наиболее ранние аналоги имеются в ионическом периптере II в. н.э. Хэсн-Солейман в Сирии. Это послужило ему основанием для датировки гарнийского храма также серединой II в. н.э.¹²⁵

Обращу внимание еще на один факт, имеющий важное значение для установления датировки и не получивший ранее должного освещения. Как отмечалось выше, при изготовлении фриза гарнийского храма использовалось сверло, и фриз сильно отделен от тела храма, образуя ажурные ветви аканфа. Техника использования сверла при обработке камня для создания ажурности впервые начала применяться в Риме в конце I в. н.э. при обработке волос скульптурных портретов¹²⁶. С середины II в. н.э. эта техника широко используется и при создании малых архитектурных форм, таких как саркофаги, которые изготовлялись в форме классических храмов с фризами. Нам неизвестно более раннего факта использования ажурной резьбы при обработке камня больших архитектурных сооружений. Использование техники глубокой ажурной резьбы на базальте свидетельствует о длительном периоде ее применения.

Характерно, что на саркофаге, датируемом 170-180 гг., видны те же приемы обработки декора, что и на гарнийском храме: ажурность резьбы фриза, уплощенность пальметок¹²⁷. Исходя из вышеизложенного, представляется, что гарнийский храм следует датировать не ранее середины II в. н.э., скорее всего, второй половиной II в. н.э. или даже первыми десятилетиями III в. н.э.

Предполагаемое время постройки гарнийского храма, середина или вторая половина II в. н.э., является периодом усиления влияния Римской империи на Востоке. При этом, Рим отказывается от политики превращения зависимых от него территорий в римские провинции, предпочитая иметь на

окраинах своей империи союзнические царства, сохранившие местные династии и формы правления. Такая политика Рима способствовала расцвету на окраинах империи так называемого римского провинциального искусства. Если ранее в искусстве Передней Азии преобладали греческие традиции, то теперь они начинают вытесняться влиянием искусства Рима. По-видимому, именно в это время в Армении появляются храмы античного типа, сменяя существовавшие ранее святилища. Возможно, что они могли быть еще ранее в Тигранакерте, где было много переселенцев. Однако, вряд ли можно предполагать, что первый царь, утвердившийся в Армении династии Аршакидов, имевшей парфянское происхождение, то есть — из страны, противостоящей Риму, стал бы строить в своей резиденции храм, посвященный своим предкам по архитектурным нормам своих врагов-римлян.

Археологические исследования показывают, что во II в. до н.э. — I в. н.э. в Армении преобладали святилища традиционного типа¹²⁸.

В середине II в. н.э. ситуация резко изменилась. Парфянские цари стали зависимы от Римской империи и не только посылали своих наследников в Рим, но и перенимали обычаи и культуру римлян. Неслучайно, что фрагменты других храмов античного типа обнаружены, прежде всего, в Вагаршапате, ставшем столицей Армении во II в. н.э.

Таким образом, если ранее предполагалось, что гарнийский храм представляет собой образец подражания формам античных храмов при непонимании античных норм, что объяснялось "местными чертами" и был посвящен "то ли культу римского императора, то ли культу Митры", то теперь становится ясным, что гарнийский храм является прекрасным образцом глубокого проникновения и использования античных норм в планировке, декоре, технике при сооружении такого сугубо местного культа, как создание героона-культа предков царской династии, основателем которой представляется бог Митра. При этом, если первоначально таким герооном для Аршакидов служил храм в Нисе¹²⁹, то во II в. н.э., когда ослабевает династия Аршакидов в Парфии, а армянская ветвь Аршакидов прочно врастает корнями в культуру и историю страны, она возводит свой собственный героон в Гарни. По-видимому, в отличие от традиционных героонон, служивших одновременно и усыпальницей царей, цари династии Аршакидов сохранили и использовали в качестве места погребения усыпальницы армянских царей в Ани-Камаха.

Рассмотрение архитектуры храма свидетельствует также и о том, что связь архитектуры Армении с архитектурой Сирии, которая ранее прослеживалась лишь в раннехристианских постройках, таких как базилика Ереурика, имеет более древние античные традиции.

Что касается вопроса сохранения античного храма после принятия христианства, то выдвигалось несколько версий. Для большинства исследователей арменоведов являлось несомненным соот-

ветствие античного храма дворцу царевны Хосровидухт. Это отчетливо видно по приведенным выше стихам Симеона Апаранци, по замечанию Н.О.Эмина об общности дворца Хосровидухт и развалин храма¹³⁰. Это мнение сохранилось до наших дней¹³¹. Однако выявленный характер посвящения храма "культу обожествленных предков" делает его весьма сомнительным. По мнению К.В.Тревер, причиной сохранности храма явилось его посвящение Митре, одному из наиболее почитаемых богов древней Армении, что позволило безболезненно превратить храм в христианскую часовню¹³². Однако данное предположение противоречит сведениям древнеармянского историка Агатангелоса, рассказавшего о разрушении адептами христианства алтаря Митры в святилище Митры в гаваре Держан¹³³. Что же касается предположения о превращении храма в часовню, то оно убедительно опровергнуто А.А.Саиняном¹³⁴. Об отсутствии христианской часовни в храме свидетельствует и указание Симеона Апаранци, видевшего храм еще до его разрушения и воспринимавшего его как дворец, а не церковь. Но даже если согласиться с возможностью создания в храме часовни, то это не снимает вопроса о причине сохранения столь необычной архитектурной планировки в Армении, при расцвете в V-XII веках собственной архитектурной школы и создании великолепных храмов, зачастую выстроенных на месте более древних сооружений, тем более, что рядом с древним храмом в Гарни в VII в. была возведена церковь¹³⁵.

Определяющий фактор понимания причины сохранения храма содержится в сообщении Мовсеса Хоренаци в гл. 90 второй книги: «Չալսյալ ժամանակաւ կաւարտէ Տրդատ զհինաւծ անոցին Գանոյն զոր ողբաւր եւ կոտորոյ լինոյ, երկարազամ եւ կապարով մածոցեալ, զորոն շինեալ եւ տնն հովանոց, մահարձանոյ, սխանչելի դրոշմածովք բարձր քանակաւ ի համար եւն իւրոյ խնորովիլոյսոյ եւ գրեալ ի նմա զիւսակ իւր հեղինակի գրով»¹³⁶.

Появившийся в 1895 г. перевод Н.О.Эмина дает следующую трактовку текста: "Около этого времени Трдат завершил постройку крепости Гарни из тесаных гранитных камней, скрепленных железными костылями, спаянных свинцом. В ней он выстроил также виллу с колоннами, украшенными рельефными чудесными изваяниями, для сестры своей Хосровидухт, начертав в ней на память о себе (надпись) греческими письменами"¹³⁷. Близкий к нему перевод с древнеармянского на современный армянский язык, который принят сегодня, дан С.Малхасянцем:

«Այն ժամանակները Տրդատն ապարտում է Գանոյնի անոցի շինությունը՝ աւագ ողբաւրերով, որոնք ապոցված էին երկաթե զամերով եւ կապարով, սխանչելի դրվագներով եւ բարձրաքանակներով իւր խնորովիլոյսոյ քանակաւ, եւ նրա վրա գրում է իւր հիւսակը հովանոց գրով»¹³⁸.

В новом русском переводе Г.Х.Саркисяна этот отрывок звучит так: "Около этого времени Трдат завершает строительство крепости Гарни из тесаных блоков базальта, скрепленных железными скобами,

залитыми свинцом. В крепости для своей сестры Хосровидухт он строит прохладную обитель со статуями, изумительной резьбой, барельефами и начертывает на ней в память о себе (надпись) эллинским письмом¹³⁹.

При сравнении древнеармянского текста с существующими переводами бросается в глаза следующее: в переводах опущен термин «Մահարձախնի» (дословно — "с погребальными памятниками"). В русском переводе Н.О.Эмина он заменен словом "колоннами", а в переводах С.Малхасянца и Г.Саркисяна — "статуями". Нельзя принять перевод термина Մահարձախնի как "изображение предков"¹⁴⁰, так как, говоря об изображениях предков, Мовсес Хоренаци использует термин նմսքը դասկեր իրոյ նախնեացն¹⁴¹. Решающим обстоятельством для определения значения термина մահարձախնի является использование его Мовсесом Хоренаци в том же труде, в тексте, не допускающем двойного толкования, при рассказе о погребении царя Ерванда: Բայց Արաշխիս իրեանքն թէ խառնուած Արախունոյն է Երվանդի հրաձայնէ զդի նոցա բաղնի մահարձախնի¹⁴²:

"Но Арташес, помня, что Ерванд является помесью Аршакидов, велел похоронить его с надгробным памятником". (перевод Н.О.Эмина) Բայց Արաշխիսը, իրեւոյնով, թէ Երվանդը Արախունոյնց ցեղի խառնուորդ էր, հրաձայնուծ է բաղնի եւ մահարձախնի դնել (перевод С.Малхасянца).

"Но Арташес, памятуя, что Ерванд был помесью рода Аршакуни, приказал поставить памятник на месте погребения его тела". (перевод Г.Х.Саркисяна) Следует также отметить, что термин Մահարձախնի — "надгробный памятник" не имеет иного значения в конкордансах армянских средневековых авторов и сохраняет свое значение и по сей день.

Можно предположить, что употреблению Н.О.Эмином термина մահարձախնի как "колонна" способствовало наличие аналогичного перевода данного слова в словаре Մահարձախնի - Արձախնի, աշխնիսնի սնունի կամ կոթողի կանգնեալի վերայ գերեզմանի մեկնոց¹⁴³: В то же время, исходя из имеющихся фактологических данных по античной и средневековой культуре Армении, можно утверждать, что закрепление терминологической связи "надгробный памятник-колонна" произошло лишь в эпоху позднего средневековья, когда появилась необходимость описания памятников культур других стран в армянской исторической и художественной литературе, и когда в быту армян появились надгробные памятники в виде отдельно стоящих обелисков или колонн, ранее не встречающихся в армянской культуре.

Как указывалось выше, термин տնի հովանոց, дословно "дом прохлады", передавался при переводах как "вилла" или "летний дворец". Однако следует учитывать, что время написания "Истории Армении" Мовсесом Хоренаци — V век. Это период становления литературного армянского языка, когда шла разработка новых терминов и их фиксация письменной традицией.

Наряду с термином տնի հովանոց, Мовсес Хоренаци в рассказе о сооружении временной летней резиденции царя Вагаршака употребляет термин

հովանոցիս, очень близкий по звучанию հովանոցն¹⁴⁴. Эта близость звучания воспринималась переводчиками как общность и позволяла трактовать постройку Трдата как "летний дворец", опуская при этом термин Մահարձախնի или давая ему иные объяснения. Этому же способствовало как наличие развалин храма Гарни с богатым декором на камнях, так и уже установившаяся в средние века литературная традиция восприятия храма как дворца постройки Трдата. Однако единое словосочетание տնի հովանոց մահարձախնի, дословно — "дом прохлады с погребальными памятниками", можно и должно пониматься лишь в едином значении, как факт сооружения царем Трдатом III усыпальницы. Искажение одной части текста приводило к ошибочному толкованию другой ее части. Так, слово "в память" армянские раннесредневековые авторы использовали в тех случаях, когда речь шла о боге, "во имя бога" или об усопшем, или же о чем-то отдаленном, но никогда о своем собственном восхвалении. Даже в период развитого средневековья, когда был широко распространен обычай оставлять на память указания о своих деяниях, что отчетливо прослеживается по "поминальникам" в армянских рукописях, автор этих строк писал, обращаясь к будущим поколениям, как бы осознавая и предвосхищая свой уход в мир иной. То есть и в этом случае речь идет о прославлении деяний человека как бы уже ушедшего, отдаленного временем от читающего эти записи. Поэтому слова եւ գրեալ ի սնիս զիրեւանակ իր հովանոցի գրոց означают не "написал в память о себе", своем восхвалении, а "написал (начертал) в память о ней (Хосровидухт) греческими письменами".

Уточнение текста М.Хоренаци позволяет понять, что речь идет не о сооружении дворца, а о сооружении усыпальницы для сестры царя — царевны Хосровидухт и написания в память о ней погребальной эпитафии. Не исключено, что на формулировку выражения М.Хоренаци о начертании царем Трдатом III надписи, повлияло наличие на храме еще одной греческой надписи. Касаясь сообщения М.Хоренаци о начертании надписи царем Трдатом III, большой интерес представляет забытое сообщение Я.И.Смирнова, где говорилось о находке на камнях храма греческой надписи. "В здании имеется греческая надпись с именем царя Трдата III (около 315 г.)"¹⁴⁵. Достоверность сообщения Я.И.Смирнова подтверждается тем обстоятельством, что архитектор экспедиции 1909-1911 гг. К.К.Романов, который хорошо был осведомлен о находках экспедиции, цитирует в своей работе отрывок из выступления Я.И.Смирнова.

При переводе переводчики не принимали во внимание общего контекста главы 90, в которой находился рассматриваемый выше отрывок. В начальной части она посвящена рассказу об утверждении христианской веры, а завершается сообщением об уходе святого Григора в горы, которого более никто не видел до его смерти. Поэтому естественно, что Мовсес Хоренаци помещает сообщение о смерти Хосровидухт непосредственно перед сооб-

щением об уходе святого Григора, тем самым подчеркивая духовную связь этих событий. Хотя у М.Хоренаци в "Истории Армении" царевне Хосровидухт отводится мало места, но и здесь она охарактеризована "девицей скромной, похожей на послушницу"¹⁴⁶. Яркими красками деятельность Хосровидухт рисуется в сочинении другого армянского историка, Агатангелоса. Здесь она именуется Մծօրհորդ Խոսրովիդուխտ — "Великая дева Хосровидухт"¹⁴⁷. В этом прослеживается как античная традиция, где Девами именовали богинь Афину и Артемиду, так и новохристианская традиция — "богоматерь" — "Дева Мария". Именно Хосровидухт посещает благовещение о необходимости обращения Трдата III к святому Григору и о принятии христианства¹⁴⁸. Именно Хосровидухт стала помощницей святого Григора в деле обращения Армении в христианство. Она же участвует в погребении св. Рипсиме¹⁴⁹. То есть, в христианской агиографии Армении V в. царевна Хосровидухт рисовалась сподвижницей святого Григора. Поэтому для Хоренаци было естественно объединить в одной главе сообщение о кончине Хосровидухт и уходе от мирской жизни святого Григора.

Таким образом, перевод приведенного выше отрывка из М.Хоренаци должен звучать так:

Այն ժամանակները Տրդատն ավարտում է շինությունը Գանձի ամրոցում կոթածոք ուղափարելով, որնից ազդեցիկ էին երկաթե գանձերով եւ կաղարով: Դրա մեջ կառուցում է մահաճանձներով տուն հովանոց (սարկոֆագ) սեփանդի դիվաններով բարձրախոսակ. իր Խոսրովիդուխտ ֆրոնտի համար եւ վրան, ի հիշատակ նրա, գրում է հելլենագի գրով:

"В те времена завершил Трдат постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых камней, скрепленных железными скобами, спаянных свинцом. В ней он соорудил усыпальницу (дом прохлады) с мемориальными стелами, чудесными изваяниями, высокой скульптурой для сестры своей Хосровидухт и начертал на ней в ее память (надпись) эллинскими буквами".

Уточнение текста М.Хоренаци позволяет понять, что строительная деятельность Трдата III была связана с завершением постройки в крепости сооружения из тесаных базальтовых камней с использованием железных скреп и свинца, т.е. с перестройкой в гарнийском храме. При этом, естественно, что под такой перестройкой следует понимать перекрытие крипты и перестилку пола целлы, произведенные в описанной строительной технике и справедливо датируемые А.А.Саиняном периодом правления Трдата III, хотя он считал это свидетельством превращения храма в дворец¹⁵⁰. Новый настил пола целлы периода правления царя Трдата III, перекрывавший крипту, был сооружен из базальтовых плит, скрепленных железными штырями, залитыми свинцом. Этот пол был открыт при раскопках экспедиции 1909-1911 гг. и сохранился до реконструкции в 1970-х годах, когда и обнаружилось наличие под ним более древнего настила пола и крипты.

лишь как богу подземного мира¹⁰². К тому же расположение храма в царской резиденции также исключает возможность отправления культа бога подземного царства. Мнение К.В.Тревер, подержанное и другими исследователями¹⁰³, аргументировалось тремя соображениями: связью колонно-преклоненных атлантов с Митрой; высотой фронтона гарнийского храма; трактовкой гарнийской греческой надписи.

Отмечу, что факт наличия в храме Гарни фронтона с соотношением высоты фронтона к его основанию как 1:5, который К.В.Тревер считала одним из определяющих моментов посвящения храма Митре¹⁰⁴, не может считаться таковым. Так, более высокие фронтоны имеют храм Фортуны Вирилис в Риме (1:4) и храм Геракла в Кори (1:4,5)¹⁰⁵. Рассмотрение соотношений высоты фронтонов к основанию храмов древнего мира показывает, что высота фронтона зависела от архитектурной традиции данных регионов, изменяясь во времени.

Не является доказательством посвящения гарнийского храма богу Митре и трактовка чтения К.В.Тревер греческой надписи из Гарни, которая в дальнейшем подверглась коррекции¹⁰⁶. Не касаясь анализа всей надписи, рассмотрим лишь первые две строчки: 'Ηλιος Τυριδατης [...] μεγαλης Αρμενίας αρα [...], которые К.В.Тревер перевела так: "Гелиос! Тиридат Великий, Великой Армении Государь", где Гелиос, по мнению К.В.Тревер, идентичен богу Митре¹⁰⁷. Однако здесь 'Ηλιος стоит в NOM., а принятие перевода К.В.Тревер требует VOC., т.е. должно быть Ο 'Ηλιος. Поэтому "обращение" нужно читать: "Гелиос-Тиридат", т.е. в надписи идет не обращение к богу Солнца Гелиосу-Митре, а дано имя Тиридата. Такое чтение предложено С.М.Кркашаряном¹⁰⁸. При обращении к царю "Гелиос-Тиридат" отчетливо проступает восприятие царя как живого бога Солнца. Об этом пишет и Мовсес Хоренаци, говоря о клятве "солнцем и всеми небесными и земными богами, и светом солнца Арташеса и Тиграна"¹⁰⁹. Как отмечал Н.О.Эмин, "клясться солнцем царя значило клясться живым богом царя, ибо свет, по понятиям армян, служил как бы выражением жизни солнца, божества. До сих пор сохранилось у армян это древнеязыческое выражение"¹¹⁰. К тому же, как указывалось выше, греческая надпись из Гарни не упоминает храм и не относится к храму. Поэтому привлекать ее для определения характера назначения храма нельзя.

Вернемся к приведенным мной выше фактам о характере посвящения гарнийского храма. Связь планировки с культурами потустороннего мира, связь с культом бога Митры, а также нахождение храма в царской резиденции — все это позволяет определить посвящение гарнийского храма культу обожествленных царских предков, царской династии, в качестве основателя которой выступал бог Митра.

Исходя из традиции армян почитать царя как живое воплощение солнца (по сведениям М.Хоренаци о династии Арташесидов, по гарнийской надписи и у династии Аршакидов), можно предполагать, что после смерти цари Армении почитались в

образе бога Митры, вечного и поэтому бессмертного. В этом случае становится ясным и уместным расположение по сторонам от входа, обращенного на север, изображений Кауто и Каутопата и совершенно оправданным предположение о наличии в нише целлы храма статуи Митры¹¹¹.

Выявление назначения гарнийского храма, как храма обожествленных предков, позволяет уточнить и некоторые аспекты его архитектуры и, прежде всего, наличие крипты в целле храма. Данная крипта была обнаружена при реставрации храма. Однако она была воспринята не как крипта, а как резервуар для стока воды из комплювия в перекрытии целлы храма¹¹². На данное восприятие, несомненно, оказали влияние высказывания К.К.Романова и К.В.Тревер. Считая, что перекрытие храма было сооружено из деревянных ферм, К.К.Романов предполагал возможность полностью открытой целлы¹¹³. К.В.Тревер, хотя и выдвинула предположение о посвящении храма культу Митры, что само по себе предполагает сумрак в целле и наличие крипты, все же, следуя архитектурным предположениям К.К.Романова о системе перекрытия храма, также считала возможным видеть целлу храма открытой¹¹⁴. При подготовительных работах к реконструкции гарнийского храма А.А.Саянину удалось документально доказать, что храм имел сводчатое перекрытие целлы¹¹⁵. Поэтому исчезла необходимость предполагать открытой целлу гарнийского храма. Как известно, даже такие крупные по размерам храмы античного мира, как Парфенон и храмы Римского форума, освещались лишь через дверные проемы. Малые размеры гарнийского храма и особенно характер его связи с культурами потустороннего мира вообще исключают вероятность наличия в древности комплювия в перекрытии храма. Поэтому несомненно, что обнаруженная в теле подиума храма, в центре целлы, крипта была связана с характером культа посвящения храма обожествленным предкам царской династии. В древности в крипту вели ступени лестницы, которая, вероятно, была впоследствии уничтожена при перекрытии крипты новым полом. По-видимому, предполагаемый камень от "ердика"¹¹⁶ являлся одним из камней крипты, а так называемая "крышка от люка канавки" располагалась на месте алтаря крипты. Наличие же в крипте устроенных потаенно малых желобков для выхода жидкости¹¹⁷ является свидетельством проведения в крипте ритуальных возлияний, традиция которых прослеживается в Армении с IV тыс. до н.э. по христианское время¹¹⁸. При входе в храм, молящиеся спускались первоначально в крипту, где совершали возлияния обожествленным умершим предкам царя, а затем, подойдя к алтарю, молились бессмертному предку Митре.

Интересно, что традиция расположения крипты перед алтарем сохранилась и в христианском храме VII в. Звартноц ("Бдящих сил"). Возможно, что аналогичность расположения здесь крипты перед алтарем вызвана тем обстоятельством, что в раннехристианский период еще продолжалось воспри-

реници. Факт этот не случаен и ключ к его разъяснению имеется в 92 главе второй книги: "Повествуя о светлом и великом втором подвижнике нашем, духовном распорядителе нашего просвещения, об истинном царе, бывшем когда-либо после Христа, следует говорить самыми возвышенными словами, как о сподвижнике и ревнителе, равном первопрходцу и родоначальнику нашего просвещения. Святому Духу было угодно отдать старшинство моему просветителю только через жребий исповедничества, добавлю от себя и апостольства, а в остальном они были равны в словах и делах. Сказал бы даже, что царь здесь имел преимущество, ибо созерцание бога и суровый образ жизни были равно свойственны им обоим, а умением покорять убедительным и властным словом в большей мере был наделен царь, ибо действия никогда не отклонялись от веры. Поэтому также его я назыву первопрходцем пути и вторым отцом нашего просвещения" (выделено мной - Ф.Т.-М.). Ясно, что образ и значение царя Трдата III, отраженные в труде М.Хоренаци, в процессе принятия христианства резко отличаются от ставшего уже традиционным в арменоведении образа царя-грешника, которого постигла божья кара и спасение которого заключалось в принятии христианства. Именно таким представлен царь Трдат III в "Истории Армении" Агатангелоса. В противовес этой легенде у М.Хоренаци царь Трдат III выступает в словах и делах первопрходцем в распространении христианства не в меньшей степени, чем сам святой Григор. Различаются и описания принятия христианства у М.Хоренаци и Агатангелоса. У Агатангелоса принятие христианства — это кратковременное, почти одномоментное насильственное событие. У М.Хоренаци принятие христианства — это длительный процесс, не исключавший и добровольного крещения. Последний аспект ясно высвечивается из хроники жизни царя Трдата III. После его перехода в христианство, он совершает множество деяний, среди которых войны с алванами, базадами, персами. За это время происходит крещение иверов, собирается Никейский собор и др. То есть становится ясным, что проходит много лет. И лишь вслед за этим рассказывается о добровольном принятии христианства Камсараканами. Упоминание о возвращении в 325 г. с Никейского собора Аристакаса позволяет уточнить срок — 24 года, прошедшие со времени принятия христианства в Армении в 301 году¹⁵⁷. Сопоставление сведений Агатангелоса и Мовсеса Хоренаци позволяет несколько иначе, чем ныне принято, представить картину распространения христианства в Армении.

Первоначально христианство официально было принято на территориях царских земель и во владениях древних храмовых общин, переданных царем христианским священнослужителям. Именно здесь сопровождавшие священников царские войска разрушали древние культовые постройки. И лишь со временем, поощряемые щедрыми дарами, которые царь давал при принятии христианства, что хорошо видно в описании принятия христианства Камсаром, высшие вельможи-нахарары страны принимали христианство, которое распростра-

нялось и в их владениях. При таком ходе событий царь Трдат III действительно мог сопоставить себя с Иоаном Крестителем. Иначе рисуется и судьба древнейших дохристианских культовых построек в 301-325 годах. По-видимому, далеко не все они были сразу разрушены, и был период, когда в Армении могли одновременно сосуществовать как античные храмы, так и нововозведенные церкви.

Подчеркну, что расхожее утверждение о возведении христианских церквей Армении на руинах античных храмов пока не получило фактологического подтверждения. До сих пор ни под одним основанием христианского культового строения не найдено останков античных культовых построек. Исследования А.А.Саиняна выявили использование тесаных известковых камней античных строений с богатым орнаментом, наиболее вероятно, храма, при сооружении фундамента кафедрального собора в Эчмиадзине¹⁵⁸. Такая же картина прослежена и в церкви св. Рипсиме. Однако представляется весьма спорным определение небольшой постройки со стенами, сложенными из рваного камня на глиняном растворе и очагом в виде тонира, открытыми под алтарной частью кафедрального собора как античного храма огня. Представляется более вероятным, что данная постройка являлась одним из домов, где тайно, для молитв, собирались ранние христиане. С официальным признанием христианства это послужило основанием для возведения на данном месте нового молитвенного дома, каким первоначально являлась церковь, в виде большого храма для торжественных богослужений. Отражение этого процесса более четко прослеживается в Еревуке. Здесь в первые века новой эры, в пустынной местности, на месте древнего святилища конца II начала I тыс. до н.э., первые христиане стали использовать для богослужений два больших пещерных сооружения. В их окрестностях обнаружены также пещерные кельи и погребения этого времени¹⁵⁹. Но с принятием христианства в конце IV-V вв., в 20 метрах от пещерных комплексов возводится большая базилика, сохранившая по своему облику традиции позднеантичных сооружений. На ее стенах в V в. высекается надпись на греческом языке из 92-го псалма: "Дому твоему, Господи, подобает святость и длинные дни"¹⁶⁰. Так, победившее христианство, отказываясь от прежней скрытости и скромности, подчеркивает свое торжество возведением величественных строений.

Несомненно, однако, что для окончательного разрешения вопроса о соотношении месторасположений античных храмов и раннехристианских церквей, необходимы широкие археологические исследования учеными и церковью, и, прежде всего, реставрируемых церквей. Прекрасным образцом таких исследований является археологическое изучение дохристианских сооружений в основаниях католических храмов, проводимое во Франции, Германии, Италии и других странах. Возможно, что первоначально ряд древних храмов использовался и при совершении христианского культа, а некоторые из них, как это предполагал А.А.Саинян, для базилики в Касахе¹⁶¹, были перестроены из античных

храмов в церкви. Такая же судьба постигла гарнийский храм. Вероятно, вначале он сохранялся в царской резиденции как домашнее царское святилище и лишь со смертью Хосровидухт в 325 или 326 году (как можно судить по словам М.Хоренаци, соединяющего в единый временной континуум возвращение Аристакеса из Никеи, крещение Камсара и сооружение Трдатом III усыпальницы для Хосровидухт) бывший античный храм-героон превращается в христианский мавзолей святой Хосровидухт. Несомненно, что в труде М.Хоренаци никак не могла найти место версия Агатангелоса о царегрешнике Трдате III, в которой за убийство христиан Господь Бог царю придает облик кабана. Только после принятия христианства (благодаря Григорию Просветителю) царь вновь приобретает человеческий облик. Данный отрывок из истории Агатангелоса имеет явно сказочно-легендарный характер и, как правило, не рассматривается при изучении вопроса становления христианства в Армении. Хотя исследователи подчеркивают важность принятия христианства как религии, способствующей укреплению центральной власти в государстве, однако, первоочередное значение принятия христианства рассматривается в факте противостояния с 301 г. христианской религии Армении эллинистическим религиозно-философским воззрением Восточно-Римской Империи и зороастризму Сасанидского Ирана. То есть на первое место выдвигаются внешнеполитические факторы. Соответственно с этим, как внутренняя оппозиция политике христианизации, рассматриваются те феодалы, которые ориентировались на Сасанидский Иран. Однако создание в христианской среде легенды о царегрешнике позволяет говорить о более широкой оппозиции царской власти в стране. Поэтому можно предположить, что, проводя политику установления христианства, как господствующей религии, Трдат III преследовал, прежде всего, не внешнеполитическую, а внутривластную цель — укрепление царской власти в борьбе с крепнувшей феодально-земельной знатью. Разрывая с древними религиозными воззрениями, царь отказывался от восприятия царской власти, как власти от потомков богов и прародителя Хайка, но при этом он лишал такого же идеологического обоснования власть знати страны, также возводившую свою родословную к многочисленным богам и потомкам Хайка, что хорошо видно по княжеским родословным, сохранившимся в истории М.Хоренаци. В то же время, принимая христианство, царь выступал прямым наместником единого бога, на что уже не могла претендовать старая знать. В своей борьбе со старой земельной знатью царь пытался опереться, прежде всего, на новоорганизуемую церковь, широко раздавая ей владения дохристианских храмов, являвшихся зачастую опорой древних знатных родов. Но, вероятно, уже на ранних стадиях принятия христианства в Армении началась борьба между царским домом, в лице царя Трдата III, который, как и византийские императоры, старался добиться своего обожествления и подчинения церкви и высшей церковной ие-

пархии своему главенству. Церковь, в свою очередь, стремилась не только стать независимой, но и подчинить церковному божественному авторитету царскую власть. Как представляется, одним из следствий этой борьбы стало утверждение в Армении монофизитства. Обычно его становление в Армении рассматривают как результат борьбы с Византией за церковную независимость. Однако при принятии монофизитства (т.е. только божественной сущности Христа) армянская церковь как бы разрывала с древним культом царей в Армении и традицией почитания их как людей и богов, тем самым исключая возможность обожествления царской династии¹⁶². Как результат борьбы за главенство над церковью, возникли две версии распространения христианства в Армении. Судя по тому, как рисует образ царя Трдата III М.Хоренаци и по тому, что он именуется его "святым"¹⁶³ (в отличие от Агатангелоса, лишь в редких случаях называющим его боголюбивым царем)¹⁶⁴, М.Хоренаци в своей книге излагал царскую версию принятия христианства в стране.

Интересно, что для создания христианской легенды о царе-грешнике, использовались древние дохристианские представления. Как известно, в античный период существовали многочисленные мифы и легенды, в которых божества и герои вступали в смертельную схватку с вепрем¹⁶⁵. Вепрь-кабан, как представляется, выступал в этих схватках не в качестве злой силы, а само сражение, грозящее смертью, олицетворяло ритуальную проверку праведности и мощи воскресающих и умирающих богов, временных царей и героев. Неслучайно поэтому сцены убийства кабана царем, т.е. подчеркивание благости и силы царя, являются одними из наиболее распространенных сюжетов в изобразительном искусстве древнего мира. Сцена схватки с кабаном изображена и на рельефе гробницы армянских царей в Ахце¹⁶⁶. В христианской легенде о Трдате, где сюжет строился на наказании царя-грешника за преследование христиан, раскаянии и его физическом и духовном возрождении при принятии христианства, царь Трдат не гибнет, а сам принимает облик кабана.

Если по древним античным представлениям истинный царь должен был обладать огромной силой, в том числе, и сексуального характера, то в христианской легенде царь-грешник Трдат не в силах овладеть красавицей христианкой Рипсиме¹⁶⁷.

В дальнейшем, с падением царского дома Аршакидов в Армении, утвердилась и распространилась церковная версия, изложенная Агатангелосом. Повидимому, исходя из их противоречия, средневековые монахи, при переписке труда М.Хоренаци, опустили главы, повествующие о царской версии принятия христианства в Армении.

Возможно, что в средние века в подтверждение легенды о царе-грешнике использовались изображения человека со звериной головой на рельефах раннехристианских стел. Характерно, что и современные исследователи культуры средневековой Армении также рассматривают изображения человека со звериной головой как образ "свиноголового Трдата".

Данные изображения характерны лишь для рельефов столбообразных прямоугольных стел IV-V вв. На четырех опубликованных стелах образ "свиноголового царя" передан с крестом в руках (Талин), в позе адорации (Ванк-Хараба) и в двух случаях (Талин, Агарак) в нижней части стелы, смотрящим на стоящую над ним мужскую фигуру. Причем, в стеле из Агарака "свиноголовый царь" изображен стоящим на коленях. Данная композиция рассматривается как изображение царя Трдата и Григора Просветителя¹⁶⁸.

Отмечу, однако, что на всех рельефах звериная голова изображена с длинной вытянутой мордой и торчащими ушами, напоминающая больше не свиную, а собачью голову. Как известно, в ранневизантийской агиографии был широко распространен образ св.Христофора — могучего воина с псиной головой. По легенде он, не ведая, что перед ним стоит бог, взялся перенести Христа через реку, но, подняв его, остановился, ощутив божественную тяжесть. Христофор считался одним из распространителей христианства на Востоке. Образ псоголового Христофора имел широкое распространение в иконографии ранневизантийского искусства¹⁶⁹. Представляется возможным видеть в образах человека со звериной головой на стелах Армении изображение не "свиноголового царя Трдата", а псоголового Христофора. В композиционных изображениях на стелах Талина и Агарака даны изображения Христа несущего его и ставшего на колени под тяжестью бога св. Христофора. Сами же изображения св.Христофора являются еще одним свидетельством связи византийской и армянской культур. Показательно, что в Нижнем Талине находится церковь св. Христофора, датируемая VI-VII вв. В то же время, это не исключает возможности того, что данные изображения св. Христофора в более поздние времена стали рассматриваться как образ "свиноголового царя Трдата", и "свиноголовый" облик стал придаваться Трдату в искусстве развитого и позднего средневековья.

Причины неудачи политики Трдата III по укреплению царской власти в стране следует видеть,

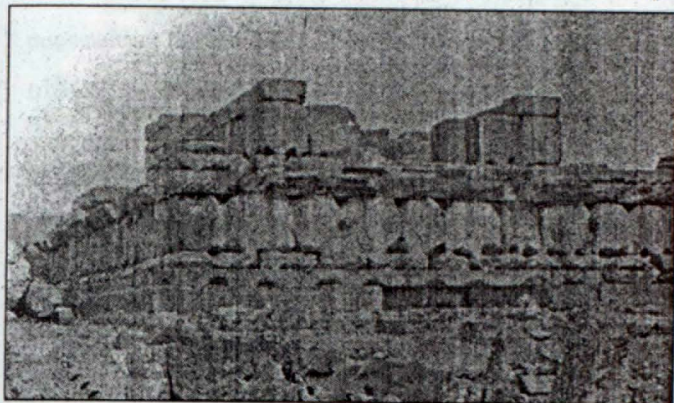
прежде всего, в недостаточном уровне развития экономики страны и в отсутствии мощного государственного аппарата, который был бы заинтересован в осуществлении политики укрепления центральной власти.

Царю Трдату не удалось достичь цели укрепления царской власти принятием христианства в халкедонской, византийской форме, когда царь выступал бы прямым наместником бога на земле, главой светской и церковной власти в государстве. Это хорошо видно в рассказе М.Хоренаци о его насильственной смерти¹⁷⁰. Однако, превращение античного храма в христианский мавзолей-усыпальницу Хосровидухт, сподвижницы Григора, способствовало сохранению храма в средние века. Несмотря на то, что падение царского дома Аршакидов помешало канонизации Хосровидухт как "великой святой", тем не менее, раннесредневековая устная традиция восприятия храма как мавзолея Хосровидухт — христианской святыни Армении, способствовала возведению рядом с ней в VII в. круглой церкви, а затем — постройки усыпальницы католика, появлению средневекового кладбища. Смутные времена XIV-XVII вв. привели к забвению этой исторической традиции, а изменение формы литературного языка способствовало искажению понимания текста Хоренаци и восприятию мавзолея святой Хосровидухт как дворца Хосровидухт.

Подводя итоги, подчеркнут, что уточнение даты построения гарнийского храма серединой — второй половиной II в. позволяет осмыслить развитие исторической ситуации и культуры Армении в I-II вв. Не имея предшествующего этапа влияния римской культуры на культуру Армении во втором-первом веках до нашей эры, ни аналогичных по типу и формам построек в слоях I в. н.э. в поселениях и городах Армении, гарнийский храм, при попытке датировки его 77 годом н.э., действительно, превращается в "случайную, по чей-то прихоти, постройку".

Середина, вторая половина II в. н.э. — это период, когда происходит изменение, переориентация армянских царей с Востока на Запад¹⁷¹. Хотя еще и продолжались отдельные армяно-римские конфронтации, в том числе, и военного характера, однако, все более усиливалась проримская позиция царской власти. Это вызывалось как желанием Рима укрепить на границах империи союзные ему царства, так и начавшимся процессом феодализации страны, ослаблением позиций Парфии, а в дальнейшем — приходом к власти в Иране, враждебной армянским Аршакидам, династии Сасанидов. В этих условиях армянские цари вынуждены были целиком полагаться на поддержку союзного Рима. Римские легионы, находившиеся в Армении, выступали уже не как оккупационные войска, а как союзнические воинские контингенты, обеспечивающие помощь проримски настроенным царям в защите своего государства и своей власти. Естественно, что в этой ситуации армянские цари, стремясь подчеркнуть идеологически свою связь с Римом, обращаются к восприятию форм и канонов римского искусства. В новой столице страны Кайнополисе-Вагаршпате, также возведенной во II в. н.э., возникают храмы, ха-

рактерные для восточных римских провинций. В это же время в Армении появляется скульптурный портрет и мозаика¹⁷². По-видимому, в это же время из восточных римских провинций в Армению начинает проникать воздействие христианского учения, отражаясь на характере развития культуры страны¹⁷³. Именно в это время сооружается и гарнийский храм-героон, посвященный культу династии ар-

мянских Аршакидов, которая выступала уже как самостоятельная, независимая от Парфии, династия. Таким образом, следует считать, что вторая половина II в. н.э. — это важный этап в истории и в культуре Армении, начало "романизации" страны, а храм-героон в Гарни является важнейшим эталонным памятником этого периода. Воспринимая формы римского искусства, местные мастера постигали античные нормы. Это отчетливо прослеживается при рассмотрении соответствия особенностей гарнийского храма с характером его посвящения — "героона обожествленных предков династии Аршакидов, основателем которой выступал бог Митра". В архитектурных пропорциях, планировке, декоре храма видны как знание норм античного искусства, так и умение использовать их для передачи местных традиционных культовых представлений.

Весьма важно для понимания процессов истории Армении начала IV в. выявление характера изменения назначения храма, превращения его в христианский мавзолей-усыпальницу Хосровидухт, позволяющее по-новому взглянуть на отношение царской власти к распространению христианства в стране, ее старания использовать христианскую религию для укрепления своих позиций в период нарастающей феодализации страны.

Таким образом, рассмотрение назначения, времени постройки и характера изменений гарнийского храма показывают, что он является не только важным эталонным архитектурным сооружением страны периода ее "романизации", но и отражает процесс значительных исторических изменений, которые Армения переживала во II-IV вв. н.э. Немаловажным результатом является и уточнение сообщения М.Хоренаци о постройке в крепости Гарни. Таким образом, снимается вопрос о существовании ошибки М.Хоренаци при изложении событий во время постройки гарнийского храма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Б.Н.Аракелян, *Гарни I*, Ереван, 1951; Он же, *Гарни II*, Ереван, 1957; Բ.Ն.Արաքելյան, Գ.Յ.Վարդապետյան, *Գառնի III*, Եր. 1962; Է.Վ.Սահակյան, *Գառնի IV*, Եր., 1969; Ж.Д.Хачатрян, *Гарни V*, Ереван, 1976; Յ.Պետրոսյան, *Գառնի IX-XIV դարերում*, Եր., 1988
4. Мовсес Хоренаци, *История Армении*, II, 90
5. Ազարանգեղայ Պատմութիւն Հայոց, Երեւան, 1983
6. Ալիսան, *Այրարատ*, Վենետիկ, 1980, էջ 368-369
7. ժամանակագրութիւն Գրիգորի Վարդապետի Վանայեցոյ լամ Դարանաղեցոյ, Երեւան, 1870
8. Ջախարայ Սարկաւազի Պատմութիւն, Վաղարշապատ, 1870
9. Сведения о работе Дадьяна указаны в работе К.В.Тревер "Храм в крепости Гарни" - В кн.: К.В.Тревер "Очерки по истории культуры Древней Армении", Москва-Ленинград, 1953
10. Сведения о работе экспедиции указаны в работе К.К.Романова "Развалины храма римского типа в Баш-Гарни", Известия ГАИМК No. 1, Москва-Ленинград, 1933; К.В.Тревер, указ. соч.
11. Н.Г.Буниятян, *Языческий храм при дворце Тиридата в крепости Гарни*, Ереван, 1933
12. Б.Н.Аракелян, указ. соч.
13. А.А.Саинян, *Архитектура античных сооружений Гарни*, Ереван, 1988
14. Н.Г.Буниятян, указ. соч., с. 18
15. А.А.Саинян, указ. соч., с. 82-96
16. Н.Г.Буниятян, указ. соч., с. 21
17. К.В.Тревер, указ. соч., с. 48, 76, рис. 6, 20
18. К.К.Романов, указ. соч., с. 648
19. Н.Г.Буниятян, указ. соч., с. 21
20. Это наблюдение, сделанное Б.Н.Аракеляном, любезно высказано им в личной беседе со мной.
21. К.К.Романов, указ. соч., с. 648
22. К.К.Романов, там же. Это предположение основывается на замечании Плиния об использовании в храмах "дверей, изготовленных из меди" (Плиний, 24,3,7-8)
23. А.А.Саинян, указ. соч., с. 155
24. Он же, указ. соч., с. 155
25. Он же, указ. соч., с. 172
26. Цитируется по работе К.К.Романова, указ. соч., с. 650
27. К.В.Тревер, *К вопросу об античном храме в Гарни*, Советская археология, No. 11, No. 949, с. 296-298
28. К.В.Тревер, *Храм в крепости Гарни*, с. 67
29. Она же, указ. соч., с. 64-65
30. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Характер культа античного храма в Гарни, Проблемы архитектуры Армении*, Республиканская научная конференция, посвященная 120-летию Тороса Тораманяна, Тезисы докладов, Ереван, 1984, с. 107 (Это предположение было мной высказано в 1966 году при защите дипломной работы "Античный храм Гарни").
31. Подробная история предполагаемых датировок помещена в работе Б.Н.Аракеляна, *Гарни I*, с. 14, 15
32. *Известия Академии Наук*, 1910, Санкт-Петербург, приравление к выпуску 37, с. 147; К.К.Романов, указ. соч., с. 649; В.Д.Блаватский, *Храм в Гарни*. - В кн.: Всеобщая история архитектуры, т. II, кн. 2, Москва, 1948, с. 388; R.D. Wilkinson, *A Fresh Look at the Ionic Building at Garni*, Revue des etudes armeniennes 16, 1988, No. 2, Paris, pp. 221-244
33. Н.Г.Буниятян, указ. соч., с. 16; Н.М.Токарский, *Архитектура Древней Армении*, Ереван, 1961, с. 32
34. Б.Н.Аракелян, *Гарни I*, с. 59-68; К.В.Тревер, *Греческая надпись, найденная в Гарни в 1945 г.* - В кн.: Очерки по истории культур Древней Армении, с. 174 и далее
35. *Անվանիք խորհրդանշանայ Պատմութիւն Հայոց*, Տիգրիս, 1913, գլ. 1
36. К.В.Тревер, *Храм в крепости Гарни*, с. 27, перевод И.А.Орбели
37. *История Армении Моисея Хоренского*, перевод Н.О.Эмина, Москва, 1893, кн. II, 90; В новом переводе *Истории Армении Мовсеса Хоренаци*, сделанном Г.Х.Саркисяном, Ереван, 1990, с. 130, кн. II, гл. 90 данная постройка трактуется как "прохладная обитель"
38. Б.Н.Аракелян, указ. соч., с. 67; К.В.Тревер, указ. соч., с. 174-211
39. К.В.Тревер, указ. соч., с. 28
40. Է.Վ.Սահակյան, *Գառնիի տալարք եւ Աղվես խորհրդանշան*, Вестник общественных наук, Ереван, 1985, No. 3, с. 63 и далее
41. А.А.Саинян, указ. соч., с. 115
42. К.В.Тревер, указ. соч., с. 183
43. Геродот, *История*, кн. I, 186
44. Н.М.Токарский, указ. соч., с. 134
45. Витрувий, *Десять книг об архитектуре*, Москва, 1936, т. III, с. 3
46. К.В.Тревер, *Храм в крепости Гарни*, с. 73
47. А.А.Саинян, указ. соч., с. 144
48. Н.И.Брунов, *Очерки по истории архитектуры*, т. II, Москва-Ленинград, 1935, с. 88
49. F. Krischen, *Der Aufbau des Nereiden monymentus von Xantos*, "Mittelungen des Deutschen archaologischen Instituts", Athenischen Abtelbung, Athen, 1923, Bd., 48; На близость пропорций Гарнийского храма и вышеперечисленных гробниц обращено внимание и в работе Р.Д.Вилкинсона. Исходя из этого, а также из архитектурных сопоставлений, он предположил, что ионическая постройка в Гарни представляет собой гробницу одного из романизированных царей, сооруженную во II в., в период усиления римского влияния в Армении. R.D. Wilkinson, *A Fresh Look at the Ionic Building at Garni*, Revue des etudes armeniennes 16, 1988, No. 2, Paris, pp. 234-244
50. Ф.Баумгартен, Ф.Поланд, Р.Вагнер, *Эллинистическо-римская культура*, Санкт-Петербург, 1914, с. 181
51. *Всеобщая история архитектуры*, т. I, Москва, 1970, с. 283, рис. 9
52. Указ. соч., с. 358, рис. 70
53. Указ. соч., с. 358, рис. 72
54. Указ. соч., с. 308, рис. 19, 4
55. Н.И.Брунов, указ. соч., рис. 79
56. Ю.Д.Колпинский, Н.И.Бритова, *Искусство этрусков и Древнего Рима*, рис. 202, 277 д, 121 в
57. Г.А.Пугаченкова, *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*, Москва, 1958, с. 93; Г.А.Кошеленко, *Культура Парфии*, Москва, 1966, с. 20
58. M.I. Finley, *Atlas of Classical Archeology*, London, 1977, p. 209
59. Н.Н.Токарский, *Архитектура Армении*, Ереван, 1961, с. 73
60. *Эпос о Гильгамаше. О все видавшем*, Перевод И.М.Дьяконова, Москва-Ленинград, 1961, табл. IX (II, I-6; III, 12-15)
61. *Эпос о Гильгамаше*, Прим. II, 4-5, с. 189
62. В.К.Афанасьева, *Шамаш-Уту*, Мифы народов мира, т. II, Москва, 1982, с. 552
63. Erich Ebelung und Bruno Meissner, Hubu, *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatische Archaeologie*, s. 478
64. Ригведа, *Избранные гимны*, Перевод, комментарии и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой, Москва, 1972, Прим. к гимну о Руде, с. 344, там же см. литературу по этому вопросу
65. В.Н.Топоров, *Митра*, Мифы народов мира, т. II, Москва, 1982, с. 157, см. там же литературу по этому вопросу
66. Цитируется: А.И.Сидро, *Манихейство в изображениях Августина*, ВДИ, 1983, No. 2, с. 155
67. M.I. Finley, op. cit., p. 181
68. А.И.Немировский, *Этрусски*, Москва, 1983, с. 171
69. M.I. Finley, op. cit., p. 182
70. Г.Е.Аресян, *Архитектура погребальных сооружений главного погребения Шамирам*, - В кн.: III республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении, Тезис. док., Ереван, 1977, с. 98

71. С.А.Есяян, Л.И.Биягов, А.Г.Канемян, С.Г.Амаякян, *Биан-нийская гробница в Ереване*, Ереван, 1991, с. 5
72. Н.И.Брунов, *Очерки по истории архитектуры*, т. II, М., 1935, с. 139-142
73. Յ.Իմոնյան, Յ.Սանանյան, *Հայկական վաղազույն ֆրիսկ-նեական դեկորատիվային համալիր Աղղամի քաղաքում, Հանրապետական գիտական նստաքաղաքի նկարչական 1990-94թթ. ազգագրական եւ բանագիտական հետազոտությունների արդյունքներին, Ձեկուցումների հիմնադրույթներ*, եր., 1995, էջ 76
74. Ազարթազույն, 766
75. К.В.Тревер, указ. соч., с. 76
76. В.Н.Топоров, *Растения, Мифы народов мира*, т. II, Москва, 1982, с. 370
77. Гомер, *Гимн Деметры*, в кн.: *Эллинистические поэты*, перевод В.Вересаева, Москва, 1929, с. 50; В.Н.Топоров, указ. соч., с. 370; Р.Грейвс, *Мифы Древней Греции*, Москва, 1992, с. 67, сн. 10
78. *История греческой литературы*, т. I, Москва, 1946, с. 283
79. А.А.Саинян, *Архитектурные памятники Гарни и с.Гехард*, Ереван, 1969, с. 20; Б.Н.Аракелян, *Очерки по истории искусства Древней Армении*, табл. XXXVIII, 3
80. Plinius, N.H., 18,9,10; Theosg, X, 54.; Bruck, Rabbin, *Ceremonialgebr*, 1887, s. 25.; Р.Грейвс, указ. соч., с. 68, 69; I. Даккартс, *Αρχαιότητες Ηπειρου*, Αθηνα, 1972
81. К.В.Тревер, указ. соч., с. 65
82. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Керамика эллинистической Армении как исторический источник*, Автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 1984, с. 10
83. М.Е.Матье, *Древнеегипетские мифы*, М.-Л., 1956, таб. XVI
84. Я.Липинская, М.Маршак, *Мифология Древнего Египта*, Москва, 1983, с. 208
85. I. Bonomi, *Nineveh and its palaces*, London, 1853, p. 159; В.К.Афанасьева, Е.В.Зеймаль, *Культура и искусство Передней Азии в древности*, Ленинград, рис. 8; К.Вернер, *История искусств всех времен и народов*, Санкт-Петербург, 1903, с. 198; Georges Perrot et Charles Chiprer, *Histoire de l'Art dans l'Antiquité, Chaldee et Assyrie*, V.II, Paris, 1884, ff. 224, 305, 446
86. E.A. Budge Wallis, *Amulets and Superstitions*, London, 1930, f. 104
87. *История искусства зарубежных стран*, Москва, 1981, рис. 223
88. *Всеобщая история искусств*, т. I, Москва, 1956, рис. 276
89. В.В.Иванов, *Верх-низ*, Мифы народов мира, т. I, 1981, с. 233-234; он же, *Левый-правый*, Мифы народов мира, т. II, Москва, 1982, с. 43-44
90. Kurt Bittel, *Grandzüge der vor und Frühgeschichthe Kleinasien*, Tübingen, 1945, Abb. 28
91. Б.Б.Пиотровский, *Ванское царство*, Москва, 1959, р. 70
92. Eicher Seyyare, *Götter, Genien und Mischwesen in der Urartaische Kunst*, Berlin, 1984, Abb. 41
93. Ю.Д.Колпинский, Н.Н.Бритова, *Искусство этрусков и Древнего Рима*, Москва, 1982, табл. 180
94. В.Д.Блаватский, *История античной расписной керамики*, Москва, 1953, с. 133, 109, 137; Ю.Д.Колпинский, *Искусство Эгейского Мира и Древней Греции*, Москва, 1970, табл. 101 а, б
95. Georges Perrot et Charles Chiprer, *Histoire de l'Art dans l'Antiquité, Chaldee et Assyrie, Perse*, V.V, Paris, 1890, ff. 507-509; 515-517; Ю.Д.Колпинский, указ. соч., табл. 127 б
96. M.S. Vermasereen, *The Legend of Attis in Greek and Roman Art*, London, 1966, Tab. IV, XXIX, 2
97. М.М.Кобылина, *Терракотовые статуэтки из Пантикапей и Фанагории*, Москва, 1962, табл. 2-3
98. H. Rohden, *Die Antiken terracoten*, Architecktonische Romische Tonreliefs der Kaiserzeit, Berlin, 1911, taf. 32; 34, 1, 2; 50, 1, 2; 89, 2
99. В.И.Сарианди, *Афганистан, Сокровища безымянных царей*, Москва, 1983, с. 21
100. N. Glueck, *Deities and Dolphins*, London, 1966
101. F. Herzfeld, *Die Kunst des zweiten Jahrtausends in Norderasien*, Archaeologische Mitteilungen aus Iran Band IX, Heft. I, Berlin, 1938, Abb. 156 n. (79)
102. К.В.Тревер, указ. соч., с. 59
103. Г.А.Тирацян, *Культура Древней Армении*, Ереван, 1988, с. 163
104. К.В.Тревер, указ. соч., с. 66
105. *Всеобщая история архитектуры*, т. II, кн. 2, с. 184
106. Չ.Խ.Սարգսյան, *Չառնիի հուճարեճ արճանագրության ժուրը*, ՅՍՍՐ ՉԱ Տեղեկագիր (հաս. գիտ.), 1956, թիվ 3, Յ.Ս.Բարթիկյան, *Չառնիի հուճարեճ արճանագրությունը եւ Սոկրես խորեճացին*, Պատմաբանասիրական հանդես, 1965, թիվ 3, Ս.Ս.Կրկյաճարյան, *Եվս մեկ անգամ Չառնիի հուճարեճ արճանագրության մասին*, Պատմաբանասիրական հանդես, 1965, թիվ 3; При этом Г.Бартикян высказал возможность более поздней — III в. н.э. — датировки надписи. Это объясняется тем, что две последние строки надписи царя Трдата I были приписаны позднее, в конце III, возможно IV в. н.э. На этот факт мне любезно указал Ю.Г.Виноградов, упомянув, что традиция поздних приписок характерна для эпиграфики позднего периода. Я придерживаюсь мнения о датировке надписи I в. н.э. См. Г.С.Мурадян, *Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни*, ИФЖ No. 3, 1981, с. 81-94
107. К.В.Тревер, *Греческая надпись, найденная в Гарни в 1945 году* - В кн.: *Очерки по истории культуры Древней Армении*, с. 174
108. Ս.Ս.Կրկյաճարյան, Եճ. յճխ., էջ 236
109. Мовсес Хоренац, II, 19
110. *История Армении Моисея Хоренского*, Москва, 1895, Перевод Н.О.Эмина, прим. 192
111. К.В.Тревер, указ. соч., с. 64; А.А.Саинян, указ. соч., с. 72
112. А.А.Саинян, указ. соч., с.79-80, 219
113. К.К.Романов, указ. соч., с. 647
114. К.В.Тревер, указ. соч., с. 50
115. А.А.Саинян, *Свод античного времени в Гарни*, ИФЖ, 1976, No. I, с. 169-186 (на арм. языке)
116. А.А.Саинян, *Античное сооружение в Гарни*, табл. 87 в. 88
117. Он же, указ. соч., рис. 31
118. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Значение терракотовых статуэток в изучении культов античной Армении и развития народного искусства*, Второй международный симпозиум по армянскому искусству, Сборник докладов, т. I, Ереван, 1981, с. 277
119. Bernard Andreae, *The Art of Rome*, New York, 1977, p. 70
120. D. Krencher und W.Zhietzchamann, *Romische Tempel in Syrien*, Leipzig und Berlin, 1938, V.I. s. 262; V.II. taf. 404
121. К.К.Романов, указ. соч., с. 648
122. D. Krencher und W. Zhietzchamann, *Romische Tempel in Syrien*, V.I. s. 20-29; 172-174; V.II. taf. 23, 27, 30, 33, 36
123. К.К.Романов, указ. соч., с. 652-653
124. D. Krencher und W. Zhietzchamann, *Romische Tempel in Syrien*, V.I. p. 189, 286; V. II. taf. 60, 74
125. *Всеобщая история архитектуры*, т. II, кн. 2, с. 390
126. Bernard Andreae, op. cit., p. 71
127. Bernard Andreae, op. cit., p. 99
128. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Святыни Ширикавана и другие культовые сооружения античной Армении*, II-й Всесоюзный симпозиум, Проблемы эллинизма на Востоке, Тезисы докладов, Ереван, 1984
129. Г.А.Пугаченкова, *Архитектурные памятники Нисы*, Труды ЮТАКЭ, т. I, с. 208-230; т. II, с. 143-146
130. *История Армении Моисея Хоренского*, Перевод Н.О.Эмина, прим. 346, 347
131. А.А.Саинян, указ. соч., с. 116
132. К.В.Тревер, указ. соч., с. 38-40, 64
133. Ազարթազույն, 790
134. А.А.Саинян, указ. соч., с. 93
135. Он же, указ. соч., с. 172 и далее
136. Սոկրես խորեճացին Պատմութիւն Հայոց, Բ, դ
137. *История Армении Моисея Хоренского*, Москва, 1985, перевод Н.О.Эмина, II, 90

138. Մովսես Խորենացի, *Հայոց պատմություն*, աշխարհաբարբառ. Աս.Սալիշաշյանի, Երևան, 1981, Բ, դ; После публикации армянского варианта данной работы, археолог Г.Петросян попытался переосмыслить замечания Мовсеса Хоренаци о гарнийском храме в духе переводов Н.О.Эмина и С.Малхасянца. Он считает, что слово "մհարձան" означает колонну, и предлагает перевод словосочетания "սուր հուշանոց մհարձանոց" как "дом с навесом". Следует отметить, что в армянской раннесредневековой историографии нет примеров подобного описания храмов или церквей. По этой, как и по другим указанным в нашей работе причинам, филологического характера, предложенный Г.Петросяном перевод представляется неверным. Исходя из своего перевода, Г.Петросян предположил, что причиной сохранения античного храма в средние века была созданная уже при Трдате III специальная легенда, которая преследовала цель убедить население страны, что храм является дворцом царевны Хосровидухт, построенный царем-христианином Трдатом III. Данное предположение представляется весьма странным. Царь Трдат III после принятия христианства соорудил церковь св.Иоанна и, казалось бы, что при желании прославить постройки царя-христианина, именно с церковью св.Иоанна должна была быть связана легенда о царе Трдате как о строителе-христианине. Однако подобная легенда нам не известна. Поэтому странно предполагать, что "специальная легенда" о царе-христианине-строителе была связана с античным храмом. В докладе Г.Петросяна, написанном с позиций традиционного восприятия гарнийского храма как "дворца Хосровидухт", существуют и другие вопросы, ответы на которые внимательный читатель найдет в данной работе. В то же время, в докладе Г.Петросяна дана интересная подробная справка об упоминаниях гарнийского храма в средневековой армянской литературе.
139. Мовсес Хоренаци, *История Армении*, перевод с древнеармянского Г.Х.Саркисяна, Ереван, 1990, II, 90
140. С.Х.Мнацаканян, *Античный дворец в Гарни и проблемы формирования дворцовых сооружений раннесредневековой Армении*, Проблемы архитектуры Армении, Республиканская научная конференция, посвященная 120-летию Торося Тораманянга, Тезисы доклада, Ереван, 1984, с. 100
141. *Մովսեսի Խորենացու Պատմություն Հայոց*, Բ, ք (II, 8)
142. Նույնը, Բ, խզ (II, 46)
143. *Նոր Բաղնիքի Հայկազան լեզի, Վեներիկ 1837*, հատր երկրորդ, էջ 197
144. Նույնը, Բ, գ (II, 6):
145. Б.Н.Аракелян, *Гарни*, т. II, Ереван, 1953, с. 69-74
146. *Մովսեսի Խորենացու Պատմություն*, II, 82
147. Ազարանգեղու, 820
148. Նույնը, 214
149. Ազարանգեղու, 736; Описание мученичества Рипсима и сорока дев, а также деятельность царевны Хосровидухт и св. Нуне дают все основания полагать, что в Армении, как и в Византии, адептами христианства в господствующих кругах первоначально были, преимущественно, женщины.
150. А.А.Саинян, указ. соч., с. 71
151. *Հայ ժողովրդի պատմություն*, հ. II, Եր., 1984, էջ 76
152. Б.Н.Аракелян, *Гарни*, т. II, Ереван, 1953, с. 69-74
153. *Искусство этрусков и Древнего Рима*, Памятники мирового искусства, Москва, 1982, рис. 283г, 283б, 286б; А.В.Банк, *Византийское искусство в собраниях Советского Союза*, Ленинград-Москва, рис. 12
154. Нельзя согласиться с мнением С.Х.Мнацаканяна (он же, указ. соч., с. 72-74), что это — мраморные фрагменты облицовки дворца. Место их нахождения — вдали от храма и дворцового сооружения, а также сам характер фрагментов неоспоримо свидетельствует о том, что это обломки большого мраморного саркофага.

155. Б.Н.Аракелян, указ. соч., с. 69-74; при публикации материала, Б.Н.Аракелян предполагал, что здесь имел место факт уничтожения христианами статуй языческих богов. Однако, уточнение принадлежности остатков статуй к саркофагу (Б.Н.Аракелян, *Очерки по истории искусства Древней Армении*, с. 25) лишает убедительности это предположение.
156. *Հայ ժողովրդի պատմություն*, հ. II, Եր., 1984, էջ 76
157. Мовсес Хоренаци, II, 2
158. A. Sahinian, *Recherches scientifiques surs les voutes de la cathedrale d'Etchmiadzin*, Revue des Etudes Armeniennes, 1966, tab. 3, pp. 39-71
159. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Археологические разыскания памятников в Еревуке*, VI республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении, Ереван, 1987
160. Ф.В.Шелов-Коведяев, *Заметки по греческой эпитафике Армении*, ИФЖ, No. I, 1986, с. 63
161. Ա.Ա.Սահիբյան, *Քառասնի բազիլիկայի ծառայողականությունը*, Եր., 1955
162. Даже много веков спустя, армяне-халкедониты считали себя истинными наследниками Григория Просветителя (П.М.Мурадян, *Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя*, Кавказ-Византия, вып. 3, 1982, с. 20), что отразилось и в искусстве (А.М.Лидов, *Искусство армян-халкедонитов*, Историко-философский журнал, Ереван, 1990, No. 1, с. 78-79)
163. Мовсес Хоренаци, *История Армении*, кн. II, 92
164. Ազարանգեղու, 363
165. В.В.Иванов, *Вепрь*, Мифы народов мира, т. I, с. 233
166. Բ.Ն.Սահիբյան, *Հայկական պատմաբանականները IV-VII դարերում*, Եր., 1949, էջ 78-83, Գ. 60
167. В данной версии четко прослеживается идея о сохранении древней мифологии, в которой царь Трдат находился на отрицательном полюсе, а Григорий Просветитель — на положительном. По этой теме см. также: А.Мнацаканян, *Мотив вепря в армянской мифологии и искусстве*, Доклады II Международного симпозиума по армянскому искусству, Ереван, 1981, т. I
168. Նույնը, էջ 51-56, Գ. 23, 25, 27, 31
169. О.Е.Нестерова, *Христофор*, Мифы народов мира, т. II, Москва, 1982, с. 604
170. Мовсес Хоренаци, II, 92; Можно предположить, что стремление Трдата III подражать византийскому императору в укреплении власти, в немалой степени послужило причиной его гибели.
171. Ֆ.Ի.Տեր-Մարտիրոսով, *Արեւիկի հուշարեւ աղանազությունը Պ.Բ.Յ. Եր., 1989, No. 1, էջ 187-188*
172. Б.Н.Аракелян, *Очерки по истории искусства Древней Армении*, с. 25, 97
173. Ф.И.Тер-Мартirosов, *Значение терракотовых статуэток в изучении культов античной Армении и развития народного искусства*, Второй международный симпозиум по армянскому искусству, Сборник докладов, т. I, Ереван, 1981, с. 277

